АПРЕЛЬ 4/89

Ровесник

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 Г



ISSN 0131—5994

ВАШИНГТОН — МОСКВА. Второе полугодие учебного года для группы советских школьников началось в американских школах, где наши ребята приступили к занятиям со своими сверстниками из США. Совместное обучение продолжалось в течение почти месяца. А не так давно «с ответным деловым визитом» для учебы в московских школах в Советском Союзе побывали американские учащиеся. Всего в школьных обменах участвуют около 350 школьников из 100 школ СССР и США.

ЛОНДОН. Крупнейшие английские учебные заведения — Кембридж, Оксфорд и Лондонский университет — приняли на стажировку аспирантов из различных вузов и городов Советского Союза. Чтобы получить право поехать на стажировку, кандидаты должны были пройти конкурсный отбор. Стажировку и обучение за границей советских аспирантов и студентов финансирует советско-американский фонд «Культурная инициатива». Его создателями стали Советский фонд культуры, Советский Фонд мира и Фонд Сороса — Советский Союз (США).

БЕРЛИН. Использование отходов и вторсырья давно уже стало в ГДР одним из самых доходных предприятий. Доля вторичного сырья в черной металлургии составляет 68 процентов (в мире в среднем только половина выплавляемой стали производится из металлолома), повторное использование стекла обеспечивает потребности промышленности на 70 процентов, 85 процентов газет и журналов отпечатаны на бумаге, изготовленной из макулатуры. В республике свыше 16 тысяч государственных, общественных и частных пунктов, куда безо всякой очереди любой желающий может сдать банки, бутылки, металлолом или макулатуру. Оборот у приемных пунктов солидный — до полутора миллиардов марок в год. Очевидно, что причины успехов в сборе отходов и вторсырья в ГДР кроются не только в свойственной немцам привычке быть экономными, но прежде всего — в четко отлаженной организации дела, дополнительных материальных стимулах, заботе об окружающей среде.

МАДРИД. Перед вами на снимке — обложка журнала «Совет молодежи Испании», посвященного деятельности религиозных сект. Слова, вынесенные на обложку,— «Секты: уничтожение личности»,— пожалуй, наиболее точно характеризуют отношение к этому явлению молодежи, входящей в Совет.

CEJOTA, EH!

SECTAS: La *ANULACION* de la *PERSONA*

В Испании религиозные секты действуют довольно активно. Сейчас их в стране насчитывается около полусотни, они охватывают от 50 до 100 тысяч человек в возрасте от 16 до 30 лет. Мошенничество, вымогательство, принуждение к занятию проституцией, похищения, убийства — вот неполный перечень обвинений, которые предъявляются многим сектам.

В последнее время родственники вовлеченных в секты молодых людей стали объединяться в ассоциации, чтобы противостоять влиянию сектантов. Однако родители оказываются юридически беспомощными, если их дети уже достигли совершеннолетия. Подсчитано, из тех, кто оказался вовлеченным в секты, только 25 процентам удается вырваться из них.

ПРАГА. По данным статистики, количество разводов в Чехословакии растет. Сегодня на 100 зарегистрированных браков приходится 32 развода.

Большое количество разводов среди очень молодых супругов наблюдается в ситуациях, когда супружество как психологический союз и не могло возникнуть: брак был следствием скоропалительного решения.

Главными причинами распада семьи в первую очередь называют различие характеров супругов, супружескую измену и алкоголизм среди мужчин.

Что касается незарегистрированных браков, то в ЧССР уже в течение длительного времени в таком союзе живут лица среднего и старшего возраста, в основном разведенные или вдовцы. Среди молодого поколения такой союз признает приблизительно одна треть юношей и девушек, причем он длится короткое время, в среднем около года, и представляет собой скорее увертюру к браку, чем его замену. Согласно исследованиям супружество занимает в шкале ценностей важное место и тесно связано с родительскими обязанностями.

БУДАПЕШТ. В 1983 году в порядке эксперимента в ВНР была создана так называемая система «профессиональных родителей». Это, по мнению венгерских специалистов, одна из наиболее эффективных форм обеспечения нормального развития ребенка, оказавшегося по тем или иным причинам без родителей.

«Профессиональные родители» не имеют права выбирать детей и обязаны принимать на воспитание не меньше пяти и не больше 10 питомцев, которых им предлагает местный Центр защиты детей и юношества. При этом мать, которая, естественно, не должна работать, кроме всех положенных на детей социальных выплат, получает от государства заработную плату. А отец наряду с сохранением полного оклада по месту работы также получает от государства дополнительные полставки, как бы за совместительство. Суммы эти зависят от количества детей. Государство предоставляет «профессиональным родителям» все необходимое — от постельного белья до пылесоса и стиральной машины.

Сегодня в Венгрии 40 таких семей. Как считают в Министерстве социального обеспечения и здравоохранения ВНР, подобная форма воспитания малолетних детей весьма выгодна и государству и обществу.

УЛАН-БАТОР. Большую помощь в подготовке квалифицированных кадров для народного хозяйства Монголии оказывают социалистические страны, прежде всего Советский Союз, где проходят обучение свыше шести тысяч монгольских юношей и девушек. Однако, как отмечает газета «Унэн», среди них немало таких, кто учится недобросовестно. В прошлом учебном году за неуспеваемость и недисциплинированность из советских вузов было исключено более 250 монгольских студентов. Назрела необходимость, подчеркивает газета, сделать принципиальные выводы о целесообразности направления для учебы за границу сотен молодых людей, не имеющих профессиональной ориентации и не умеющих себя вести.

ПЕКИН. Управление по охране окружающей среды — первая из государственных организаций в КНР, куда выпускники вузов принимаются на работу по результатам конкурсных публичных экзаменов (более 500 претендентов на 35 мест). Главная цель введения новой системы — ликвидация протекционизма и кумовства, предоставление молодым специалистам возможности проявить личные качества при приеме на работу.

ХАНОЙ. Население Вьетнама составляет сейчас около 63 миллионов человек и продолжает быстро увеличиваться. Снижение темпов роста населения, как считает правительство, поможет найти выход из экономического кризиса. Совет Министров СРВ одобрил ряд мер по контролю за рождаемостью. Новые правила строго определяют возраст, в котором супруги могут иметь детей, временной интервал между их рождением. Предусматриваются материальное стимулирование тех супружеских пар, которые выполняют условия программы планирования семьи, а также различные санкции против нарушителей этой программы.

Газета «Нян зан» сообщила, что государственные служащие, члены КПВ и супружеские пары, проживающие в городах, могут иметь двух детей при условии, что возраст женщины — более 22 лет, а мужчины — более 24 лет.

Семьям, у которых количество детей превысит два ребенка, будет запрещено проживать в крупных населенных пунктах или промышленных центрах. Они должны будут сами оплачивать расходы, связанные с учебой детей в школе и медицинским обслуживанием «каждого нового ребенка, за исключением двух первых».

Период между рождением первого и второго ребенка должен составлять от трех до пяти лет. Исключение касается женщин, которые родили первого ребенка после 30 лет. Им разрешено иметь второго ребенка через два года.

ТОКИО. Учащиеся одной из школ города Накацу направили письмо Председателю Совета Министров МНР Д. Содному. Школьники сообщили, что их класс решил изготовить 50 тысяч бумажных макетов атомных бомб — по числу ядерных зарядов, накопленных в мире. По мере сокращения ядерных арсеналов школьники будут уничтожать и бумажные макеты бомб, таким образом контролируя ход разоружения.

Письмо монгольскому правительству юные японцы направили не случайно — дело в том, что еще в 1984 году по предложению МНР Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию о праве народов на мир. На послание с Японских островов откликнулись улан-баторские школьники. Они отправили в Накацу в знак солидарности посылки с бумажными журавликами, решили заложить сад дружбы и вести переписку со своими сверстниками из Японии.

ДАГОМЫС. В Дагомысе, недалеко от Сочи, прошла X Международная студенческая встреча, на которую съехались представители молодежных и студенческих организаций из более чем 80 стран и 14 международных организаций. Встреча дала возможность участникам обменяться мнениями о важнейших проблемах, стоящих перед студенчеством планеты, установить деловые контакты и просто подружиться. На первой странице обложки: этот снимок фотокорреспондент Андрей ЧЕРНИКОВ сделал во время X Международной студенческой встречи.

В НОМЕРЕ:

Ровесник 4/89

Главный редактор
А. А. НОДИЯ

Художественный редактор
Т. Н. Филипповская
Оформление художника
И. М. Неждановой
Технический редактор
М. В. Симонова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а.
Телефоны: 285-89-20 — для справок, 285-80-62 — отдел писем.

Сдано в набор 02.02.89. Подписано в печ. 09.03.89. А04714. Формат $84 \times 108^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Бумага офсетная глазированная с покрытием. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,7. Тираж 2 460 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 39.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.



СМОТРИТЕ:

Письмо Инны С. из Ростова-на-Дону и журналы (западногерманский «Штерн» и американский «Тайм») с фотографиями бездомных американцев почта доставила в редакцию «Ровесника» почти одновременно.

Письмо публикуем полностью: «Здравствуйте, уважаемая редакция! Пишу я вам потому, что не могу больше читать ваш журнал. Эта постоянная травля США! Кому вы хотите внушить, что на Западе люди живут плохо. Ведь и глупцу понятно, что при капитализме лучше живут, чем у нас, во много раз. Я знаю многих людей, которые были за границей, и они что-то не встречали там замученных и голодных людей, о которых вы пишете. Да я и сама недавно побывала на американской выставке и поняла, что мы отстали от них. Там люди живут так, как нам и не снится. Я люблю Америку! И я не одна такая.

P. S. Я, конечно, понимаю, что после этого письма вы будете меня разыскивать и, может быть, если найдете, посадите в дурдом (как вы обычно делаете), но я не могу больше читать вашу ложь.

Инна С., 15 лет,
Ростов-на-Дону».

Что мы хотим сказать, публикуя письмо и фотографии рядом? Что «на Западе все люди живут плохо» — в чем упрекает нас Инна С.? Или что Инна С. права и «там люди живут так, как нам и не снилось»? Ни то, ни другое. Потому что «там» люди живут и так и этак. И таких, кто живет в богатейшей Америке так, как запечатлел их жизнь фотообъектив, только по официальной американской статистике — 300 тысяч.

Так что же мы хотим сказать Инне С.? Во-первых, что не следует впадать в крайности. Во-вторых, что любить Америку, как и свою Родину, не значит видеть все в розовом свете. В-третьих, что никто не собирается разыскивать 15-летнюю девочку из Ростова-на-Дону и «сажать в дурдом». И в-четвертых, что практически все публикации «Ровесника» об Америке (в их числе немало доброжелательных) принадлежат американским авторам.



I'M A VIETNA
VETERAN
I do NOT RECIEVE
A CHECK AT THIS
TIME
ANY DONATION
WILL HELP
THANK YOU
PLEASE HELP
HOMELESS AND
HUNGRY

КОГДА ИСЧЕЗНУТ ЗЕРКАЛА

Э. САДЫХОВА

Они выходят на сцену вдвоем, и в руках у каждого — по большому зеркалу. Поставив зеркала на стулья, они поворачиваются спиной к зрителям и начинают кокетничать со своим отражением. Разглядывать веснушки, строить себе рожи: так ведут себя перед зеркалом, когда уверены, что никто не видит. Вдруг молодой человек замечает свою соседку, задумчиво чешет затылок и достает баночку с красной гуашью и кисточку. Решительно направляется к ее зеркалу и рисует на нем красный круг с огромными ушами. Девушка испуганно хватается за уши — неужели такие?! — а этот наглец продолжает преспокойно любоваться собой. Тогда возмущенная девушка тоже хватает кисточку и краску и — знай наших! — рисует на его зеркале такой же круг, но с ослиными ушами. «Ах так!» — и молодой человек с явным удовольствием выводит на ее зеркале поросячий пятачок. Но расплата наступает сразу: на его отражении появляется длиннющий изогнутый нос. Страсти накаляются. Когда на зеркалах не остается живого места, противники — а они уже стали противниками — поворачиваются друг к другу, кипя ненавистью. Ох, что сейчас будет! Но вдруг... Подойдя вплотную, каждый смотрит в лицо своего врага: вот оно, живое, настоящее, и ни ослиных ушей нет, ни свиньего рыла. А мы-то хотели друг друга растерзать — как же такое могло получиться?

— Нос,— неуверенно говорит парень, дотрагиваясь рукой до кончика своего носа.

— Нос,— повторяет девушка и тут же добавляет: — Nose.

— Ноуз,— вторит ей недавний враг.

Вот они, глаза — eyes, рот — mouth, как же здорово смотреть не в размалеванные зеркала, а видеть друг друга такими, какие есть!

— Костя! — кричит парень, тыча себя пальцем в грудь.

— Алисон! — кричит девушка.

Они кидаются друг к другу в объятия, они никогда больше не будут глядеть в кривые зеркала: английская девушка Алисон и советский парень Костя.



Совместная творческая мастерская Квакерского молодежного театра из Великобритании и Студенческого театра МЭИ — результат первого обмена любительскими театрами, организованного Британским и Советским комитетами Международной ассоциации любительских театров.

— Да это же величайший в истории эксперимент! — сказали мне после премьеры.— Первый в истории совместный спектакль!

Приехало телевидение. Зрительный зал волновался, ослепленный светом софитов. Мы еще не знали, что нам покажут. Почему — «Зеркало-88»?

В одной из своих пьес Шекспир сказал: «Как часто бьем прямые зеркала и оправляем в золото кривые». Через четыреста лет эти слова послужили эпиграфом к спектаклю.

— Этот спектакль — самое главное, ради чего действительно стоило организовывать Мастерскую,— сказал Алек Дэвисон, координатор совместного англо-советского театрального проекта.— «Зеркала» — цель, высшая точка нашей встречи. Средоточие идей, мыслей, образов, которые, как оказалось, живут в душе каждого из нас. Наконец-то мы получили возможность воплощать их вместе.

Актеры вышли на сцену, и было абсолютно невозможно понять, кто из них кто. Вот девочка, ну это точно — наша, а оказывается — англичанка. Или парень, вон у него какая улыбка, как с рекламы зубной пасты, умеют же «у них там» улыбаться — и вовсе нет, парень-то советский. И одеты — джинсы с заплатами, «треники» и одинаковые длинные майки с эмблемой Мастерской.

— Я очень боялся, что будет заметна разница в манере держаться на сцене,— сказал Крис Бартон, режиссер

английской труппы.— Просто замечательно, что непонятно, кто откуда! Значит, мы, два режиссера — Леонид Борисович Герчиков и я,— в какой-то степени добились своего.

После спектакля люди с телевидения собрали всех на сцене и стали задавать вопросы. Усталые актеры сидели на полу и отвечали нестройным хором.

— Это успех?

— Йес!.. Да!..

— А надеялись ли вы на него?

— Йес!.. Да!..

— А впечатление от коллег? — упорствовало телевидение. Оно снимало все репетиции, день за днем, и успело уже порядком надоесть актерам, а как же они устали! Они сделали «Зеркала» за четыре дня. Сроки непривычные для наших театров. Репетиции с утра до вечера, напряженные, трудные, особенно из-за незнания языка. С английской стороны помогала девочка из труппы, студентка факультета русского языка Кембриджского университета, да с нашей — школьно-институтское «хеллоу», «гуд бай», «уот из йор нэйм». С переводчиком, оказалось, работать труднее, переводчик мешал...

Весь спектакль состоял из множества коротких этюдов. В одних участвовали только двое, в других — почти все. Обе труппы были одинаковы, примерно по двадцать человек. Этюды придумывали сами, и в каждом был занят кто-то из наших, кто-то из англичан, и тоже поровну. А этюды рождались стихийно, идеи перебивали, обгоняли, дополняли друг друга. «Тема «Зеркал» настолько емкая,— сказал кто-то из них,— что мы, наверное, могли бы сделать еще два раза столько же».

Разные театральные школы — барьер не меньший, чем языковой. Актеры нашего Студенческого театра говорят, что английские ребята на сцене держались намного свободнее, больше импровизировали. Это было заметно на репетициях. Но зато после спектакля Крис воскликнул:

— Вы сейчас сделали то, чего я никак не могу добиться от своих!

«Зрелище, открытые театральные формы, синтетические способы самовыражения — вот что исповедует Квакерский молодежный театр «Левенерз». Музыка, хореография, пластика, рок и фолк...» — написано в программке Мастерской.

«Левенерз» в переводе — «дрожжи», «закваска». «Левенерз» — это квакерский центр искусств в Лондоне и это название всего предприятия. Разные труппы, которые оно включает, разбросаны по всей стране. В Лондоне — общая штаб-квартира. Труппа, что приехала к нам, была специально подобрана для советских гастролей. Если бы не эти гастроли, многие из английских актеров могли вообще никогда не встретиться. Их театр — совсем иное, чем у нас. У них принимают без прослушивания, всех желающих. Это уж вовсе непривычно. У нас в любительских театрах — профессиональный стандарт: «стихотворение, басня, проза» и еще какие-то критерии, непостижимые для «всех желающих».

Крис думает так:

— Нельзя делить тех, кто играет на сцене, на бездарей и таланты, на безнадежных и многообещающих. Артистические способности есть в каждом. Но проклятые комплексы, эта внутренняя зажатость... Черт возьми, даже обыкновенная застенчивость! Не так-то легко выйти сразу на публику и зарыдать, например, упасть на пол в истерике! Задача у нас, режиссеров и руководителей,— высвободить душу человека, научить «выкладываться» на сцене, не бояться быть смешным, нелепым, странным. Показать человеку, на что он способен. Чтобы он поверил в себя и свои возможности.

Возможности у ребят Криса действительно широкие. Прежде он ни с кем из них не работал и сейчас говорит, что ему очень повезло: «такие замечательные достались артисты». Ведь, кроме совместного «Зеркала-88», «Левенерз» показали пьесу «Место по имени дом...», написанную Крисом. Это история о разных людях, с которыми встретились белая девушка и темнокожий парень, вместе убежав из дому. И о самом главном выборе: каким быть человеком, когда давит необходимость делать деньги и становиться потомственным «патриотом»...

Еще актеры «Левенерз» показывали свои фольклорные танцы. А группа «Левенерз-бэнд» играла песни «Битлз» и «Роллинг стоунз», «Рокси мюзик» и «Ю-2», и в зале ДК МЭИ все залезли на сиденья, чтобы громче хлопать, и танцевали в проходах.



«...Нашей работой является подъем сознательности в области социальной справедливости. В то же время эта работа дает возможность приобрести новых друзей». Общество друзей — так зовут себя квакеры. Суть квакерства лучше всего выражается в их образе жизни. Им не нужны догмы — они верят в глубокие размышления о жизни и отношениях между людьми. Они верят, что «в каждом человеке есть немножко от бога». И что истина многолика, и каждый на земле имеет право на свой, уникальный путь к своей истине.

— Мои родители — квакеры. Почти у всех в нашем театре родители квакеры.— Кэйт Гиттинс 20 лет, она студентка факультета музыки и драмы. Она играет на саксофоне и банджо и мечтает стать профессиональной актрисой. У нее это обязательно получится — на сцене она бесподобна! Можно умереть со смеху, только наблюдая за ее мимикой.— Большинство из нас не верит в бога. По-моему, очень трудно в наш век сохранить религиозность. Но я верю в другое. В честность, в дружбу. В доброту... Наш театр сохранил элементы учения квакеров: справедливость и уважение друг к другу. То, что каждый человек имеет право свободно высказываться и никто не должен затыкать ему рот. Все, что собираемся делать, мы обсуждаем. Решения принимаем вместе. У нас,— Кэйт смеется,— то, что вы решили называть гласностью. И вот еще что от квакеров: в конце дня мы устраиваем 10 минут молчания. Когда можно успокоиться, привести в порядок свои чувства, кое-что обдумать. В результате мы всегда заканчиваем репетицию мирно и дружелюбно. И расходимся, не унося в душе раздражения.

Разбили кривые зеркала. Стереотипы растоптали. В самом прямом смысле. Когда приехал Квакерский молодежный театр, наши ребята оделись «русскими иванами», какими, наверное, нас должны видеть «там» — в телогрейках, аляповатых платках, заломленных ушанках. Не было лишь медведя. На куске пенопласта написали большими буквами «СТЕРЕОТИП». И разломали, бросили под ноги, растоптали в порошок.

Да, мы разные. По темпераменту. По образу жизни. Но эту разницу стоит ли преодолевать? Мы дополним друг друга. Только давайте не рисовать на своих отражениях страшные рожи. О'кей?

— Давайте дружить семьями! — ответил мальчик из театра «Левенерз».

И тогда Шекспир сказал:

«Я верю, что придет тот миг,
На всей земле исчезнут зеркала,
И люди, наконец, посмотрят друг
на друга.
Глаза в глаза».

Фьямма НИРЕНСТЕЙН, итальянская журналистка

«ЗЕЛЕНЫЙ» ЭГОИЗМ

Вот всего лишь несколько заголовков из зарубежной прессы: «Африка возмущена тем, что Запад хоронит здесь ядовитые отходы» (газета «Вашингтон пост»); «Китаю угрожает старая японская стратегия загрязнения окружающей среды» (журнал «Фар истерн экономик ревью»); «Загрязнение Рейна заводами швейцарской фирмы — фирма не желает выплачивать штраф» (газета «Монд»). Достаточно! Вы верно поняли: речь идет о загрязнении окружающей среды, следствии деятельности нашей цивилизации. Все цивилизованные люди во всех странах мира борются с этим явлением, но вот цивилизованно ли это: стараться добиться чистой жизни у себя за счет соседей! И кто должен расплачиваться за мой чистый воздух и за живое дерево в моем собственном саду! Этой проблеме посвящен материал итальянской журналистки.

Вот они: добрые крестьяне из Валь д'Аоста, честные тосканские рабочие, усердные администраторы из Эмилии Романьи, трудолюбивые миланцы, доблестные домохозяйки, которые стирают белье «белее белого», напуганные промышленники, простодушные туристы... и еще многомного других. Все они несут на себе бремя вины. Да, но в этом бремени виноваты другие! Все они переполнены чувством. Да, но чувством эгоизма.

У американцев (в отличие от нас, итальянцев, признающихся в эгоизме) появилась характерная аббревиатура — NIMB, что означает «Not in my backyard» — «Только не в моем дворе». То бишь: убирайте отходы, куда пожелаете, все эти токсичные вещества, ядовитые продукты массовой цивилизации, в которой каждый из нас участвует своими печальными отбросами, отправляйте куда хотите все наше свинство, но только куда-нибудь подальше. А куда — не имеет для меня значения. Потому что в загрязнении окружающей среды виноват не я, я-то чист, а вон тот...

Трубят тревогу администраторы, обвиняя государство и скотопромышленников; животноводы поднялись против безответственных хозяев отелей и администраторов; разные министры (окружающей среды, здравоохранения, морского флота и т. д.) набросились один на другого; мэры, как всегда в сложных ситуациях, потребовали больше денег.

Мы привыкли к царству Здравоохранения, к принципату Сельского хозяйства, баронству Промышленности, к республике Туризма, но теперь ведомственные перегородки должны пасть под давлением всеобъемлющих проблем. А то сейчас царит искушение спихнуть всю свою вину на другого. Легко сказать «фильтр, очиститель», однако никто не желает устанавливать этот фильтр именно у себя. Дома. Значит, нужно глубоко изучить проблему, определить строгую программу действий и издать законы, общие для всех, за соблюдением которых должно следить правительство.

Вспомним несколько эпизодов. Апрель 1987 года — полемика по поводу строительства автострады Ливорно — Чивитавеккья: а как строительство повлияет на прелестнейшее местечко Капалбио, куда летом стекаются туристы, это излюбленное место отдыха многих наших интеллектуалов? Интеллектуалы сопротивлялись элегантно, с чувством достоинства, что, иными словами, означало: пусть отдуваются Римини и Вьяреджо, а нам нужна тишина и нетронутая зелень.

Капалбио — не новичок в «зеленой борьбе», у него уже есть опыт сражения против атомной электростанции Монтальто ди Кастро. Тогда кампания всколыхнула всю Италию, но никто не беспокоился из-за расположенных совсем неподалеку французских атомных электростанций, ведь они дают нашей стране большое количество электроэнергии!

Перейдем к отбросам. В Пьемонте, к примеру, когда стало совсем невмоготу, общественная служба указала 140 мест для переработки токсичных отбросов. Сначала было избрано 14 пунктов сброса, которые тотчас превратились в 14 очагов экологической борьбы с круглосуточными дежурствами. И ни один из 14 пунктов использовать не удалось. А что говорить о жителях Равенны, которые, когда в порт должен был войти корабль с ядовитыми веществами на борту, предложили вместо себя Таранто?

«Верно,— говорит председатель экологического союза «Лега Амбьенте» Эрмете Реалаччи,— существует экологический эгоизм, святой, основанный на желании жить лучше!» И итальянские экологи частенько поддерживают и даже насаждают этот эгоизм. Теперь этим эгоизмом начали пользоваться всяческие «экохитрецы» из администрации: они протягивают лапу к



собранным общественностью деньгам, чтобы потратить их на совершенно бесполезные проекты. Среди тех, кто зарится на эти деньги, есть и производители оборудования, очистных установок. Их выпущено на 10 миллиардов лир, а функционирует должным образом только треть! Кроме бесполезных трат, есть еще и вредные, вроде программы гидрогеологической реорганизации, по которой русла рек цементируют, превращая их в подобие каналов. Несколько рек уже были подвергнуты такой «реорганизации», и результаты обеднения окружающей среды — налицо. А как только появились сообщения, что Адриатику буквально душат водоросли — результат чудовищного сброса сточных вод,— провинция Эмилия Романья сразу же потребовала себе 5 миллиардов, хотя перед этим было заявлено, что экологические карты у нее в полном порядке и что «только в Эмилии Романье очистительная система находится на европейском уровне: удается обработать 80 процентов отходов».

При этом все стремятся свалить вину за экологические проблемы Адриатики на соседа. Роберто Пираццини, директор Ассоциации коммерсантов и работников гостиниц: «Во всем виноваты те, кто разводит свиней и кур, использует органические и химические удобрения». Промышленник-свиновод В. Морденти: «Виноваты больше всего хозяева гостиниц, которые думают только о выгоде, выбрасывают все в море и даже не помышляют об очистителях. А потом еще моющие средства, которые используют во всех домах! Я от свиней все хороню в земле, потом сверху мы разводим маис и сажаем персиковые деревья. Никогда ничего не спускаю в реку, а то давно попал бы в тюрьму!» М. Командини, владелец птицефермы: «Это просто смешно! Говорят, что куры загрязнили Адриатику! Да их подстилка превращается в прекрасное удобрение, мы ничего не выбрасываем. Мы — благонадежные борцы против загрязнения».

Ну так как же, что делать со всеми этими благонамеренными хозяевами гостиниц, фабриками, производящими отходы и не желающими о них слышать, потребителями электроэнергии, предпочитающими, чтобы ее производили в других странах, химиками и работниками сельского хозяйства, которые обогатились за последние двадцать лет, произведя горы убивающих нас отбросов? Росло богатство, а вместе с ним росли и проблемы. Но мы не можем повернуть прогресс вспять, и главное, что требуется — развитая технология. Прогресс пока еще отстает от прогресса, и общее стремление догнать его — вот лучшее средство от «зеленого» эгоизма.

Перевела с итальянского
Елена ЛИВШИЦ



ЗАМЕТКИ ВЗРОСЛОГО ЧЕЛОВЕКА

Михаэль ЮРГС,
западногерманский журналист

На рекламной тумбе висит яркий плакат. Он призывает прохожих принять участие в Неделе книги. Два подростка проходят мимо. Один говорит другому: «Слышь, ты, книга — это что такое?»

Глупый анекдот? Картина будущего? Как бы там ни было, а суть дела схвачена точно: наши дети читают все меньше и меньше. Что за поколение растет у экранов видеомагнитофонов? Американский социолог Нил Постмен в одной из своих работ описывает тот апокалипсис, в который ввергнута традиционная книжная культура в век аудиовизуальной информации. В США, пишет он, некоторые рестораны уже дошли до того, что вместо текста помещают в меню картинки с изображениями блюд. Потому что многие молодые посетители не умеют читать. В школе их, конечно, учили, но после школы им как-то негде и ни к чему было закреплять навык чтения. Их некрепкие знания захлебнулись в потоке бегущих телевизионных картинок...

Что делать? Как исправить положение? Похоже, мы не нашли ничего лучшего, как жаловаться и причитать снова и снова: «Горе культуре! Книга, совсем недавно бывшая для человека хлебом насущным, теперь — глядите! глядите! — уныло пылится на полках (и шумный успех бестселлеров ничего здесь не меняет)». Конечно, мы правы. Голодный на книги читатель вымирает. Но есть тут и еще одно обстоятельство — наше собственное отношение к ситуации, наше самоощущение в разучившемся читать мире.

Тирады, которые мы — образованные люди — произносим, доказательства, которые мы приводим, снабжая их цитатами из Гёте,— все это звучит

для нас как высшая и безупречная мудрость. Мы не задумываемся над тем, что призывы «Спасите литературу!» волнуют только тех, кто уже знаком с ней. Мы чувствуем себя выше других — мы же читаем, и вы тоже, конечно, читаете! — и от этого нам кажется, что мы — последние апостолы исчезающей культуры чтения. В этой позиции есть свое удовольствие.

Нам дорог наш пессимизм. Он возвышает нас в наших собственных глазах. Но чем дольше мы говорим о том, насколько поглупели без книг молодые люди, тем дальше мы удаляемся от того, чтобы спросить: «А кто же в этом виноват?» Мир красивых, цветных, быстро сменяющих одна другую картинок — мир телевидения и видео — не свалился с неба и не в один миг возник. Кто создал этот мир? Кто подложил видеокассету в колыбель нашим детям? Кто долго, слишком долго подыгрывал им, услаждая их зрение все новыми и новыми развлекательными программами? Разве это были не мы? Мы сами выпустили духов на волю — и теперь их не загонишь назад.

Междугородный телефон вместо бесед по душам. Магнитная пленка вместо книжки с картинками. Электронные фантазии вместо фантазии, развиваемой в игре. «Амадеус» вместо Моцарта. Да, спросим себя, не побоимся спросить: кто создал этот неравноценный выбор? Или иными словами: мы не имеем никакого права упрекать молодежь за то, что наш мир находится в столь дурном состоянии. У нас нет никаких оснований считать, что молодежь виновата в том, что поверхностность мысли стала хронической болезнью человечества. Жалуясь на молодежь, мы жалуемся прежде всего на самих себя. Мы создали этот мир.

Я не думаю, что положение так уж безнадежно. Я не считаю, что молодые читатели застыли в принципиальном и тотальном отказе от книги. Просто мы — писатели, журналисты, учителя, родители — должны учитывать, что наши дети выросли и сформировались как личности в видеовек, которому свойственны резкий монтаж и актуальность тем. Они хотят книг, которые бы отвечали **их** понятию об интересном. Разве это не нормально и не естественно с их стороны? Разве отвращение к навязчивой дидактике свойственно только этому поколению? Если мы не поймем этого, если будем и дальше говорить с ними свысока, поучающим тоном — они и дальше будут упираться со словами: «Нет, спасибо, не стоит...» Никого нельзя затянуть в культуру на аркане. И еще. Мы должны понять, что для молодых людей речь вовсе не идет о книге вообще, о судьбе культурного наследия вообще. Это для них абстракция, схоластика. Они просто-напросто спрашивают нас о книгах, которые им стоило бы прочесть. Об интересных книгах.

На Франкфуртской книжной ярмарке, например, выставляется 320 тысяч книг — бесконечная вереница названий. Что выбрать подростку, что прочесть молодому человеку? Как ориентироваться? Он знает, что есть книги, которые принято читать (или принято делать вид, что читал их) — но это еще не значит, что они действительно достойны чтения.

Как поступает хороший учитель истории? Хороший учитель истории рассказывает о людях и происшествиях, а не опрашивает даты. И видеопоколение с интересом слушает такого учителя. А плохой учитель излагает «материал», своим неумением омертвляя все вокруг себя. Именно бездарность такого учителя омрачает нашим детям их ранние годы, отвращает их от книги и подталкивает к теле- и видеонаркомании. Не школа ли, в девяти случаях из десяти, повинна в том, что для подростка «литература» и «скука» — слова-синонимы?

Писатели, в каком-то смысле, не очень-то отличаются от учителей. Конечно, среди них есть хорошие, умеющие увлечь. Но многие из них пишут штампами, позволяют издателям манипулировать собой. Тот, кто подобным образом выставляет себя на посмешище,— какое он имеет право поучать молодых и издеваться над теми, кому смотреть идиотский фильм представляется лучшим времяпрепровождением? Разве такой писатель, много лет подряд сочиняя бездарные и пустые книги, не способствовал тому, чтобы современный молодой человек сложился таким, каков он зачастую есть: тупым, неразвитым, не способным прочесть и страницы...

У меня нет рецептов, как изменить ситуацию. Но я знаю одно. Да, мы, послевоенное поколение, росли с книгой в руках. Мы читали безудержно много. Но можно ли утверждать, что мы выросли лучшими людьми, чем современная молодежь? Можно ли утверждать, что видеопоколение менее чувствительно, менее активно, менее склонно к раздумьям, чем мы? Нет. Просто это поколение по-иному выражает себя. Оно ищет опору своему духу не в книге, а в зрительном ряде. Но это вопрос формы, а не содержания.

Вы и я — мы читаем охотнее, чем смотрим. Видеотехника нова для нас. Мы помним, как она зарождалась, как впервые появилась на прилавках магазинов. Мы помним жизнь **без нее**. Но для наших детей видеокультура — старая знакомая. Они родились в мире, где уже светились тысячи и миллионы привлекательных экранов и экранчиков. Как же нам быть, как относиться к этому? Ясно одно. Если мы не способны принять с уважением эту новую культуру — то это значит, что мы ничему не научились из наших книг, из тех самых книг, которыми мы гордимся, которые любим и которые не согласны променять ни на что.

Перевел с немецкого
А. ПОЛИКОВСКИЙ

Первый раз колокол звонил в четыре часа утра. Люди вылезали из гамаков, уже чувствуя себя уставшими. Протирали глаза, брались за кувшин с водой. Некоторые пытались урвать несколько лишних минут сна, но укрыться от звука колокола было невозможно. Он звучал громко, неумолимо, всепроникающе.

Сразу же начинали потрескивать и посвистывать громкоговорители. Вскоре первые такты гимна оглашали весь лагерь. «...Да здравствует 17 апреля!» Так начинался новый день на «трудовом фронте».

В четыре тридцать колокол звонил снова, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Они всегда звонили в колокола трижды. Как монахи до революции — те начинали бить в барабаны медленными ударами, а кончали раскатами. И так три раза подряд. Этим сигналом монахи созывали верующих на молитву. «Красные кхмеры», конечно же, бессознательно использовали тот же ритм, чтобы созывать на работу. При новой религии трудовая повинность стала символом революционной преданности.

Под второй перезвон мы с женой присоединялись к нашей бригаде. Небольшие группы из десятка человек собирались вместе и гуськом отправлялись на стройку. Наша работа состояла в том, чтобы рыть землю, наполнять ею корзины и передавать их по цепочке. Мы рыли оросительные каналы.

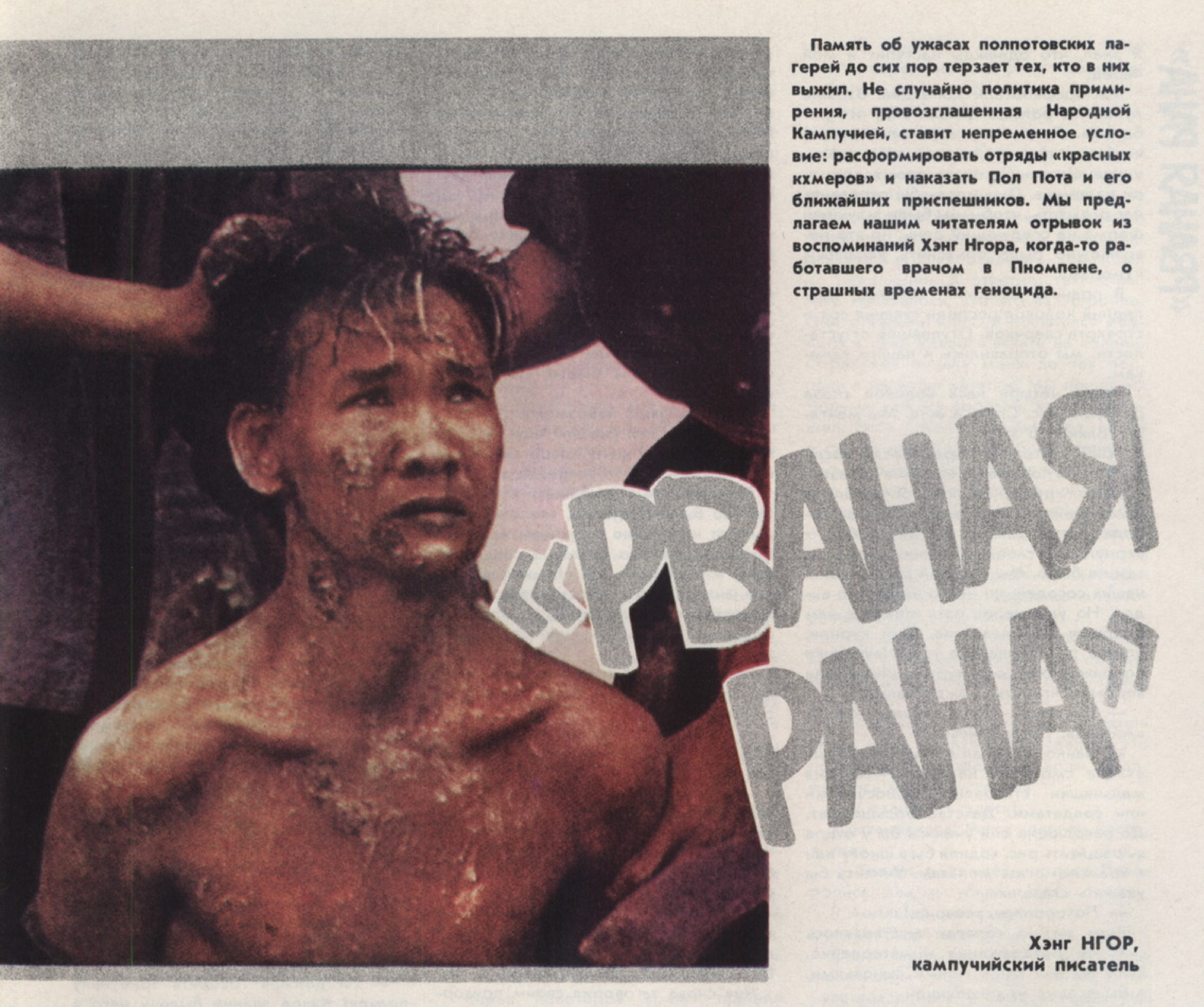
В унылом утреннем свете каналы простирались насколько хватал глаз. Мы слышали, как рядом с нами копают другие бригады. Так создавалась густая сеть орошения.

«Красные кхмеры» уверяли, что они будут собирать избытки воды во время сезона дождей и орошать ими почву во время сухого сезона. Они очень верили в эту систему. «Мы будем собирать три урожая в год! — провозглашали они с энтузиазмом.— Теперь у всех будет вдоволь муки! А если на нас нападут Соединенные Штаты, мы выроем канал под Тихим океаном и захватим Америку!»

Горизонт розовеет, встало солнце. Рядом со мной вздыхает человек. Я знаю, о чем он думает: ни минуты отдыха, ни одного свободного дня, ни капли радости. Трудиться подневольно и пожизненно, чтобы сохранить жизнь!

Не думай об этом. Просто поднимай свою кирку и роняй ее. Не выкладывайся. Посмотри на тот колышек: когда мы до него дойдем, нас пошлют в другое место. Но куда? В поле или на рисовую плантацию? В поле копать легче, но зато в чеках водится так много живности! Однажды мы увидели змею. Ее поймали и разрубили на части. Как радовалась Хуой, когда я ей принес свою долю! Впервые за много времени я увидел, как она улыбается!

Чоп! Чоп! Чоп! Звук врезающихся в глину кирок заполнил жаркий безоблачный день. Пот все время стекает по телу, но я его даже не чувствую.



«РВАНАЯ РАНА»

Память об ужасах полпотовских лагерей до сих пор терзает тех, кто в них выжил. Не случайно политика примирения, провозглашенная Народной Кампучией, ставит непременное условие: расформировать отряды «красных кхмеров» и наказать Пол Пота и его ближайших приспешников. Мы предлагаем нашим читателям отрывок из воспоминаний Хэнг Нгора, когда-то работавшего врачом в Пномпене, о страшных временах геноцида.

Хэнг НГОР,
кампучийский писатель

— Товарищи, перерыв!

Все бросили инструменты и вылезли из канала. Хуой ждала меня в тени дерева. Я подошел к ней. Мы попили кипяченой воды из моей фляги. Хуой прислонилась спиной к дереву, я лег у ее ног.

— За работу, товарищи!

К середине дня солнце раскаляется вовсю. Включили громкоговорители. До нас тихо, но отчетливо доносятся звуки гимна. Я знаю наизусть каждое слово, так как слышал его тысячи раз. «Защитим же нашу родину-мать, нашу священную землю и нашу славную революцию!»

После гимна мы имеем право послушать песню «Ура солдатам революции, храбрым, сильным, славным!». Потом шла «Новая безопасность деревни, освященной великой революцией», а потом «Наши славные товарищи борются, чтобы научиться жить по-революционному». Я знал их все и ненавидел их! На дне канала я нарисовал громкоговоритель и разбил его киркой на куски, потом снова принялся за работу.

Настало время обеда. Зазвонил колокол, и сразу же у передвижной кухни выросли длинные очереди за убогой порцией каши.

Динг! Динг! Динг! Все встали и пошли относить миски на кухню. Этот колокол сведет меня с ума! Динг... Динг... динг... динг-динг... динг-динг... динг-динг...динг-дингдингдинг-дингдинг...

Вторая половина дня похожа на первую, только длиннее и жарче. На дне канала ни малейшего ветерка. Кирка кажется вдвое тяжелее, работа бригады практически не продвигается. Нам разрешили перекур и завели музыку, чтобы ускорить темп работы. Я бы все отдал за то, чтобы сыграли что-нибудь другое, но в лагере только одна кассета...

Приближается самый ужасный момент дня — вечер. В это время солдаты приходят арестовывать людей. Заранее никто никогда не знал, сколько человек уведут и уничтожат, и эта неуверенность делает ожидание еще более невыносимым. Я положил свою кирку, чтобы в тысячный раз за день отнести наверх полную корзину, и увидел их, в заходящем солнце. Три солдата шли через поле, направляясь ко мне. Сердце у меня бешено забилось, я с остервенением наполнил новую корзину и снова поднялся наверх. Солдаты за это время свернули в другую сторону и взяли двух человек. Связав им руки за спиной, они увели их. Что сделали эти несчастные? Лучше не задавать таких вопросов.

Закон «красных кхмеров» был закон молчания. Существовал только один суд — трибунал «Ангкар» [2]. Эти люди, может быть, недостаточно хорошо работали или украли еду. А может, их выдал чхлоп [3]. Люди исчезали, и все.

Я знал, что однажды наступит и мой черед.

Мы проработали допоздна. Взошла луна. Мы больше делали вид, что работаем. Понемногу ворочали землю, чтобы не привлекать внимания охранников. Остальные в это время дремали на земле. Они могли бы отправить нас отдыхать, чтобы мы были в лучшей форме на следующий день, но это невозможно было объяснить «красным кхмерам».

В полночь зазвонил, наконец, последний колокол посреди гуканья сов и стрекота сверчков. Отупевшие от усталости, мы отправились к нашим гамакам.

Через четыре часа колокол снова разбудит нас. Спать и есть. Мы мечтали только об этом.

Приблизительно через месяц после того, как я попал в лагерь, мне повезло, я нашел дикие фрукты. Я наполнил ими корзину и спрятал ее в кустах неподалеку от гамака. Когда в обед я вернулся к своему тайнику, корзины там не было. Мы с женой расспросили наших соседей, но никто ничего не видел. Но уже через пять минут к нам подошли два мальчика. Они курили, искоса поглядывая на нас. Неуклюже подражая опытным курильщикам, они вертели сигареты между пальцев.

— Товарищ! Тебя хочет видеть «Ангкар». Поторопись!

«Странно,— думал я, пока два юных чхлопа смотрели на меня,— сегодня мальчишки становятся доносчиками или солдатами. Детства больше нет. До революции они учились бы у отцов выращивать рис, ходили бы в школу или в храм помогать монахам. Учились бы уважать старших».

— Поторопись, товарищ!

В их резких голосах чувствовалось сильное раздражение и нетерпение. Если бы они были моими сыновьями, я бы осадил их пощечиной.

— Одну минуту, пожалуйста. Я надену рубашку.

— Сейчас мой муж пойдет за вами. И почему вы с ним так разговариваете?

В голосе Хуой слышались давно забытые интонации школьной учительницы. Сколько ребят их возраста прошло через ее руки!

— До свиданья, дорогая!

Я шел уверенным шагом. Мальчишки плелись за мной. Я не очень беспокоился. Если бы речь шла о чем-то действительно серьезном, «Ангкар» послал бы солдат. Чхлопы были слишком малы, чтобы им можно было доверить важное дело.

Чев, начальник нашего лагеря-кооператива, сидел в гамаке. Он неторопливо курил. Он был без рубашки, худой, темнокожий. Его широкий рот с полными губами улыбался.

— Товарищ?..

— Самнанг! — под этим именем я жил в лагере.

— Очень хорошо, товарищ Самнанг. «Ангкар» хочет знать только правду. Сегодня утром наши ребята делали обход на холмах и обнаружили у вас корзину с фруктами. Вот мой вопрос. Почему вы не отнесли эту корзину в общественную столовую? Почему вы не передали ее на благо коллектива? Почему вы захотели ее спрятать?

Так значит, это стукачи украли у меня корзину с фруктами. Можно было бы и раньше об этом догадаться!

— Товарищ Чев, прошлой ночью я пошел в лес на поиски пищи, но нашел только эти фрукты. Этого было явно недостаточно для всех.

— Так вы захотели заиметь личную собственность. Вы знаете, что это запрещено?

Ответить было невозможно.

— Ребята мне сказали еще, что вы называете вашу жену «дорогая». У нас нет «дорогих». Это запрещено!

Запыхавшись, прибежали солдаты. Можно было подумать, что они опаздывают на важное собрание. Чев продолжал спокойно сидеть в своем гамаке и улыбаться. Он обвинил меня в незначительных проступках, и я приготовился заплатить солидный штраф и пообещать никогда больше этого не делать.

Громкий голос послышался у меня за спиной, властный голос одного из солдат.

— Кто дал разрешение товарищу отправиться на поиски пищи? Отвечай, товарищ!

— Никто, товарищ. Я пошел туда самовольно. Признаюсь, я плохо поступил.

— Видишь, ты думаешь, что ты свободен, как птица, а на самом деле ты реакционер.

— Товарищи, это не так. Я соблюдаю законы. Если «Ангкар» считает, что я провинился, я признаю это и никогда больше не буду так поступать!

Чев снова заговорил своим приторным голосом:

— Вы сами признаете, что провинились. Но этого недостаточно.

Заговорил солдат с громким голосом:

— Товарищ Чев, надо отправить его в тюрьму...

...Мы шли по лесной тропинке. Я — впереди, солдаты сзади, держа веревку, которой были связаны мои руки. Они затекли. Мы остановились на незнакомой мне поляне. Тюрьма представляла собой длинное узкое здание с бамбуковыми стенами и соломенной крышей. Солдаты усадили меня и ушли. Из тюрьмы доносились приглушенные звуки, чувствовался отвратительный запах. С краев крыши свисали какие-то черные предметы.

Через час за мной пришел тюремщик. Он отвел меня на плантацию манго. Деревья были высокие, хорошо ухоженные, посаженные на равном расстоянии друг от друга. К каждому дереву был привязан заключенный. Я шел за тюремщиком вдоль деревьев. Мы прошли перед женщиной, распластанной на животе на деревянной скамье. Ее запястья и щиколотки были привязаны к четырем углам. Женщина повернула голову и затравленно посмотрела на нас.

— Спасите меня, прошу вас.

Красные муравьи ползали у нее по рукам, кончики пальцев были в крови. Тюремщик провел меня немного вперед и ослабил веревку. Я воспользовался этим, чтобы растереть руки. Потом он посадил меня спиной к стволу, связал мои руки за деревом и ушел, не произнеся ни слова.

Я стал молиться: «Если я должен умереть, пусть я умру с достоинством...» Что-то поползло у меня по шее. Укус. Красный муравей! Я тер головой о ствол дерева, чтобы раздавить его. Потом почувствовал еще одного на плече. Муравейник был под деревом, у которого я сидел. Мне удалось раздавить несколько муравьев подбородком на груди и плечах. Но муравьи прибывали. Все яростнее становились их укусы.

Вечером в рощу пришел какой-то человек. Он был высокого роста, с вьющимися волосами. На нем были черные брюки, резиновые сандалии, на запястье часы. Под черной рубашкой я заметил голубую майку: до революции такие майки были очень модными в Пномпене. Как и шелковые блузы. Теперь эти майки были свидетельством определенного положения. Странно, «красные кхмеры» так ненавидят старое общество и питают такое пристрастие к его атрибутам!

Этот человек нес мачете и клещи. Он сел на скамейку рядом с женщиной, похожей на мертвую птицу с распластанными крыльями.

— Где твой муж? — до меня доносились их голоса.

— Ты должна говорить трибуналу правду! Какое звание было у него в армии? Капитан? Лейтенант? Говори мне правду.

— Я не знаю, где он. Но он не был солдатом... ни капитаном... ни лейтенантом... Он не был никем из них.

— Ты по-прежнему лжешь!

Человек наступил женщине на руку, схватил что-то и резко дернул. Отчаянный крик заполнил поляну. Человек распрямился, щелкая клещами.

— Если ты мне не скажешь правду, завтра я вырву тебе еще один ноготь. Если ты признаешься, мы отпустим тебя.

Женщина извивалась от боли. Ее юбка задралась до пояса.

— Я сказала правду. Убей меня сразу! Сейчас же! Мне больше нечего сказать! Мама, мамочка, спаси меня!

Мы, камбоджийцы, взываем к духу наших матерей, когда нам трудно.

Человек оставил ее и направился ко мне. Под черной туникой у него на самом деле была голубая майка из

тех, давних времен. Из нагрудного кармана торчали две шариковые ручки. Он наклонился ко мне.

— Скажи правду. Кто разрешил тебе пойти за пропитанием в лес?

— Я сам, товарищ. Я хотел есть!

— Разве «Ангкар» тебя недостаточно кормит?

— Да, да, достаточно, но мне хотелось еще.

— Почему же ты пошел за едой, когда остальные обходятся без этого? Ты должен был работать! Если ты шляешься, это несправедливо по отношению к твоим товарищам!

Я собирался ответить, но он не обращал внимания на то, что я говорю. Вдруг он спросил меня, китаец я или вьетнамец. Я ответил, что ни то, ни другое.

— Что ты делал раньше? Был солдатом? Учителем? Занимал пост в правительстве Лон Нола? [4]

— Совсем нет. Я был таксистом,— здесь в лагере меня все знали как таксиста, иначе бы как «бывшего интеллигента» меня уже давно бы убили.

— Машину какой марки ты водил?

— Пежо-404.

— Какой у тебя был маршрут?

— Чаще на дальние расстояния. Пномпень — Такео или Баттамбанг. Туда, куда просили отвезти клиенты. До тех пор, пока дороги не закрыли из-за боев. После этого я работал в Пномпене.

— Нет! Ты не был таксистом! Ты лжешь!

— Правда, товарищ. Я был шофером такси! А моя жена продавала овощи на рынке. Когда не было овощей, она продавала сладости и пирожные.

— Лжешь! Ты должен говорить правду, если ты хочешь увидеть свою жену!

Он позвал охранника. Тот сразу же прибежал. Помощник держал мою голову прижатой к земле, а человек в голубой майке положил мою правую руку на корень дерева и прижал ее своей ногой. Потом он взял свой мачете и одним ударом отрубил мне мизинец. Зверская боль поднялась по руке и разорвалась у меня в голове.

— Не воруй больше еду. Если ты примешься за свое, трибунал будет беспощаден.

Они отпустили меня. Я поднялся, поддерживаемый веревками. Но охранник был неудовлетворен.

— Надо было бы отрубить ему палец на ноге. Это помешало бы этому лакомке бегать.

— Хорошая мысль. Подержи ему ногу.

Человек в голубой майке ударил мачете. Недостаточно сильно, чтобы перерубить сустав, но вполне достаточно, чтобы оголилась кость.

— И еще: не называй больше свою жену «дорогая»! Называй ее товарищ женщина. Она может называть тебя товарищ брат.

Белая кость проглядывала между двумя краями кровавой раны. Красные муравьи, привлеченные кровью, жрали мои ноги.

Я быстро соображал: надо было остановить кровотечение и помешать проникновению инфекции. Я кое-как разрыхлил землю и присыпал ею рану на ноге. То же самое я сделал с культей мизинца, несмотря на невыносимую боль.

Об остатке этого дня я не помню ничего, кроме дергающей боли в ноге и в руке. Я дремал. Меня разбудили укусы муравьев вокруг глаз. Мне удалось прогнать их, потерев лицо о плечи. Это была долгая ночь. Я слышал стоны женщины на скамье...

Утром вернулся мой мучитель. Он развязал мне руки и дал миску риса. Я наконец увидел, что он сделал с моим мизинцем. Он отрубил половину: оставалось только полторы фаланги, и посередине торчала заостренная кость.

Он приказал мне не двигаться, хотя мог бы ничего не говорить: у меня не было сил даже подняться. Впрочем, через несколько минут меня привязали к дереву снова.

Во второй половине дня охранники привели нового заключенного: беременную женщину. Когда они проходили мимо, я слышал, как она повторяла, что ее муж не солдат. Казалось, что это главное обвинение в этой тюрьме. Она умоляла их пощадить ее, но они привязали ее к дереву рядом со мной.

Через некоторое время пришел «красный кхмер», которого я никогда не видел. У него в руках был длинный нож. Он начал задавать женщине вопросы. Я плохо слышал, но то, что произошло потом, я до сих пор не могу вспоминать без содрогания. Я могу описать эту сцену только в самых простых словах: он разорвал ее одежду, разрезал ей живот и достал ребенка.

Я отвернулся, чтобы не видеть этого. Но от криков ее агонии спрятаться было некуда. Они перешли в стоны, а потом все стихло. Она умерла.

Убийца спокойно прошел передо мной, держа плод за пуповину. Он подвесил его к крыше тюрьмы, рядом с остальными, уже высохшими и почерневшими.

...Я не спал всю ночь. Стая шакалов забралась на поляну, учуяв труп женщины. Они начали раздирать ее. Слышалось рычанье и лязганье зубов. Я хорошо видел их в лунном свете, трое или четверо, они выдирали клоки мяса, рыча и угрожая друг другу. Если они не насытятся и пойдут в мою сторону, я ничего не смогу сделать.

Мучитель в голубой майке пришел на следующее утро. Он вырвал еще один ноготь женщине на скамье, а на меня не обратил внимания. Во второй половине дня пришли два новых охранника и стали спрашивать, кем я был до революции. Я ответил: таксистом. Мне показалось, что это их устроило. Они отвязали меня. Я попытался подняться. Мне удалось встать на колени. Охранники пинали меня до тех пор, пока я не встал на ноги. Мы пошли из тюрьмы той же дорогой, какой я пришел. Нога горела. Каждый раз, когда я ставил ее на землю, боль поднималась до бедра. При ходьбе я переносил всю тяжесть тела на левую ногу, выносил правую вперед, осторожно ставил ее на землю и перепрыгивал опять на левую.

Мы шли среди рисовых полей. Тюрьма исчезла из вида. Вдруг ко мне обратился один из охранников:

— Видишь тот холм? Мы заберемся на него, и там ты скажешь нам правду. Иначе ты проспишь там очень-очень долго.

Я подумал, что если они собираются убить меня, то лучше бы сделали это поскорее. Я взобрался на холм, продравшись через кустарник.

— Остановись здесь!

Я остановился. Меня ударили ногой, я упал.

— Теперь ты скажешь правду. Поторопись, или мы убьем тебя!

Я медленно произнес:

— Я был таксистом. Это правда.

Они сказали, что я вру, и стали бить меня ногами под ребра. Потом я почувствовал ногу у себя на шее. Нога поворачивалась так, как будто ее владелец собирался раздавить окурок.

— Ты хочешь жить или ты хочешь умереть? Если ты сейчас же не скажешь правду, ты подохнешь!

Я лежал, не произнося ни слова. Мне было трудно дышать. Они направили стволы своих ружей в землю и процитировали модную среди «красных кхмеров» поговорку:

— Если ты останешься в живых, ни у кого от этого не прибудет. Если ты умрешь, ни у кого не убудет!

После этого они поставили меня на ноги, и я прохромал еще несколько десятков метров до следующего холма.

— Ты хочешь вернуться к себе или нет? Ты хочешь увидеть свою жену?

Я обернулся к ним:

— Хочу. Но вы можете не разрешить

мне ее увидеть и убить меня. Вам решать.

Они развязали веревку. Я, как видно, правильно сделал, признав их власть над моей жизнью и смертью. Наверное, услышать эти слова им было так же приятно, как и убить меня.

— Иди вперед. Не оборачивайся. Можешь возвращаться домой.

Я посмотрел на вершину гребня за деревьями и увидел там белые развалины маленького храма. Они служили мне ориентиром.

«Вернуться домой!» Моим последним «домом» был «Кооператив трудового фронта», приблизительно в километре к югу. Я едва мог идти, мне было трудно дышать, а мой мизинец утроился в размерах. Теперь, когда я не был привязан, я мог двигать правой рукой, и боль немного успокоилась. Я нашел кусок бамбука и сделал из него костыль.

Я пришел в лагерь к вечеру. Работа уже закончилась. Люди отдыхали. Они не были уверены, что имеют право помочь мне. Да я и не просил. Хуой лежала в нашем гамаке и смотрела в пустоту. Соседи крикнули ей, что я вернулся. Она вскочила и подбежала ко мне. Просунула мне руку под мышки и помогла дойти — до «дома».

Соседи молча окружили меня. Хуой рыдала. Вскипятили воду, и Хуой с помощью других женщин вымыла меня. Теперь уже плакали все женщины. Они узнали, что случается с арестованными: я был живым подтверждением самых страшных слухов.

Откуда-то из тайников люди извлекли капсулу ампициллина, две таблетки аспирина и лечебные травы. Я вскрыл капсулу с антибиотиками, половину вылил на раны, остальное приберег на потом.

Старая женщина, которая принесла мне лечебные травы, наконец произнесла вслух то, что все думали:

— Самнанг, может быть, вы совершили что-то очень дурное в вашей предыдущей жизни. Может быть, вы наказаны за это?

— Да. Должно быть, это так.

Перевела с французского
В. СТАРОВОЙТОВА

[1] *17 апреля 1975 года сразу же после свержения Лон Нола узурпировавшая власть клика Пол Пота начала насильственное выселение жителей из городов.*

[2] *«Ангкар» — секретная организация Пол Пота, именем которой «красные кхмеры» отправляли на казнь сотни тысяч людей.*

[3] *Чхлоп — доносчик (кхмер.).*

[4] *Лон Нол — организатор совершенного в 1970 году с помощью ЦРУ государственного переворота. Он же санкционировал вторжение американских войск в Кампучию.*



Петер БИКСЕЛЬ,
швейцарский писатель

ТРИ БРАВЫХ МОИХ ПОЛИЦЕЙСКИХ

ПАМФЛЕТ

Недавно на одной демонстрации среди молодых людей я приметил трех одетых в гражданское полицейских — демонстрация не была политической, молодежной однако ж все-таки была, впрочем, это не имеет значения.

Поражает меня, собственно, лишь то, что я по каким-то признакам распознал полицейских — значит, они делают нечто такое, что хоть на чуть-чуть, но все ж выходит за рамки просто исполнения ими своих обязанностей.

Я где-то прочел — тоже, кстати, недавно,— что некий гангстер заявил, будто с первого взгляда распознает всякого, кто вооружен пистолетом, так как нет такого человека, который мог бы двигаться с пистолетом так же, как и без него,— иными словами, потому, что любой обладатель пистолета имеет совершенно определенную походку, ибо несет нечто, о чем при ходьбе не может забыть ни на мгновение. Я не способен профессионально это изобразить — любое оружие наводит на меня жуть, но и за собой иногда замечал, что после просмотра вестерна иду по улице, слегка сжимая руки в локтях, будто готовлюсь выхватить воображаемые пистолеты. Длилось это, разумеется, всего две-три минуты, но мне потом было стыдно за себя.

Я наблюдал за тремя полицейскими — их начальник или наставник мог быть доволен ими, они делали свое дело безупречно, радовались музыке — полагаю даже, что радовались искренне и глубоко,— почти не выделялись в толпе, не слишком не выделялись. Если они вообще лицедействовали, то лицедействовали хорошо, и одеты были не по-казенному, а как обычные люди. Уместно, пожалуй, высказать лишь одно-единственное критическое замечание: один из них был облачен в скромный черный пиджак, левая рука — в кожаной перчатке, правая — зажата в левой, которая в перчатке. Я спрашиваю себя, как расценить это — как трюк с переодеванием или как приватного свойства привычку? Во всяком случае, хоть отчасти это был и трюк.

Их присутствие здесь в служебном качестве — и это я должен также отметить — имело свои, с моей точки зрения, веские основания. Отнюдь не всегда было так, когда я видел на демонстрациях полицейских в гражданском. Между прочим, будь они в форме,

они действительно были бы здесь помехой, да, вероятно, не могли бы выполнять и свое задание. К слову сказать, они не производили впечатления людей, очень уж нацеленных на то, чтобы выполнить это свое задание обязательно успешно.

Есть у меня друг, довольно мужественный человек и яростный демократ, которому везде, куда ни заявится, где ни остановится, мерещатся полицейские в гражданском. Его брат сказал мне, что это у него мания такая, ему-де еще ребенком всюду мерещились полицейские. О нем-то я невольно и вспомнил, когда мне подумалось, что среди демонстрантов вижу полицейских, и я спросил себя, не заболел ли я той же хворью.

Мне не ясно, как я их «вычислил», но, быть может, и в самом деле по их роли, не по той, собственно, что они исполняли, а по их истинной, именно по их полицейскобытию?

У меня такое впечатление, что это полицейскобытие столь же осознано ими как реальность, как осознано оно мной, да и представления о нем у нас, вероятно, одни и те же. Они видят в телесериалах тех же самых, что и я, героев-полицейских. Эти киносыщики носят обычную гражданскую одежду и тем самым подают пример для подражания.

Я вижу, как они, бедные, торчат на вокзалах, и мне их жалко. Мне их действительно жалко, ибо они, как ни крути, выполняют свой долг (отдаю себе отчет в том, что эту мою формулировку вряд ли можно воспринять без иронии).

И тем не менее: я всегда испытываю почти непреодолимое желание разоблачить их, хочется встать на цыпочки и крикнуть: «Смотрите, это — полицейские!» И это несмотря на то, что мне понятна их задача, несмотря на то, что мне понятно, что есть задачи, выполнять которые они могут, лишь будучи одетыми в гражданское. Не знаю почему — быть может, потому, что своим видом стараются подделаться под тех, кто спешит вечером к поезду, боится опоздать и все-таки опаздывает, или потому только, что они чувствуют на себе чей-то пристальный взгляд, например, сейчас, когда на них смотрю я.

Я испытываю желание разоблачить их, и будь я посмелей, я бы сделал это, потому что благодаря этому можно было бы отчасти улучшить человеческие взаимоотношения. Ибо играть кого-то означает не быть этим кем-то — кто играет людей, не есть человек. (Это предельно просто, и это мне известно, тем не менее я не принимаю в этом контексте сравнения с актером; я знаю, например, что мужчина, играющий Ричарда III, зовется Хельмутом Лонером. Он разоблачен изначально.)

Есть другой аргумент, его, конечно, невозможно опровергнуть: «клиент» полицейского тоже «играет». Он тоже маскируется, старается выглядеть так, чтобы никто не распознал в нем вора или гангстера. Выходит, ничего изменить тут нельзя — это злит меня, но так оно, вероятно, и должно быть.

«Разоблачение». Слово это пришло мне на ум в связи с деятельностью ЦРУ. В Греции одна газета разоблачила агентов ЦРУ. Если бы это не стоило бы одному человеку жизни — разумеется, он умер за свободу,— разоблачения, вероятней всего, не состоялось бы. То же самое случилось и в Италии. В Швейцарии нет агентов ЦРУ, потому что мы нейтральная страна и, следовательно, не можем себе позволить иметь их; мы просто-напросто не могли бы позволить себе разоблачать агентов ЦРУ.

ЦРУ — тоже полиция, международная полиция свободного Запада, Америка предлагает ее услуги свободным государствам свободного Запада, а они не прочь втихомолку ими пользоваться; подобно тому, как три моих бравых полицейских следят, чтобы не был — в ущерб мне, в ущерб гражданину — нарушен порядок, ЦРУ печется о порядке во благо государств, ибо и государства нуждаются в защите, должны продолжать свое существование, таким образом, ЦРУ защищает государство от гражданина, защищает демократию от возможного волеизъявления народа. Это просто-напросто необходимо, ибо народ может ошибиться, может поддаться на провокацию, ведь в государстве так много тайн, а народ не способен принимать правильные решения именно потому, что очень многое для него — тайна, поскольку же так много тайного, необходимо иметь тайную полицию, а коль скоро тайны у всех западных государств одни, достаточно и одной полиции, ее-то и предоставляет для общего пользования Америка.

Несправедливо как-то получается с ними, с тремя моими бравыми полицейскими, они-то ведь никак не связаны с ЦРУ. Но в моем сознании они стоят в одном ряду с американскими героями, чем-то они отдаленно напоминают мне именно этих героев, этой своей ассоциацией я невольно подрываю доверие к ним, а это некорректно с моей стороны.

Быть может, им — моим полицейским — следует постоять за себя, проявить активность и содействовать разоблачению возможных агентов ЦРУ, чтобы тем самым восстановить доверие к самим себе. Обидно, что сделать этого они не могут, так как этих последних у нас ведь вовсе нет, как никогда не бывало и прежде.

Но, быть может, государственные тайны Запада производят на гражданина Швейцарии более сильное впечатление, чем это принято полагать — быть может, он держит в уме и ЦРУ, когда отказывается идти к избирательной урне и утверждает, что все равно ведь они сделают так, как захотят,— ибо кто делает нечто тайно, делает именно то, что хочет. К тому же гражданин знает, власть — это нечто тайное.

Таким образом, коль скоро у нас нет агентов ЦРУ, нам, именно как нейтральной стране, следовало бы, вероятно, всем однажды ясно дать понять, что мы в них вовсе и не нуждаемся, осудив, к примеру, их деятельность в других странах, но — право, уж и не знаю — быть может, это было бы равнозначно двойственной морали.

Обе стороны — и государство и гражданин — прямо-таки жаждут все большей информированности, все большей ясности. Но что значит ясность, коль скоро существуют тайны, что значат демократические решения, коль скоро касаются они лишь верхушки айсберга?

Ну хорошо, я понимаю: военные тайны — вещь серьезная, но неужто и в самом деле есть на свете такая армия, которая вполне была бы уверена в том, что все, решительно все ею разведано, ничто от нее не сокрыто? Тайны — это корм для тайных служб, а иностранные тайные службы — оправдание существованию тайн,— так выстраивается некая игра, пусть и невинная, но со своей четко отработанной системой.

Ведь бесполезные тайны делают государство сильным, потому что никто не сознает их бесполезности. И, быть может, все мы и вправду были бы разочарованы, если бы заглянули в тайны государства. Быть может, они самоцельны и защищают политиков, а не нацию, защищают, быть может, армию от гражданина, а, предположим, не страну от противника.

А может, тайн-то никаких, в сущности, и нет, а есть лишь пустое досье, помеченное грифом «сов. секретно»; одно уже это досье, пусть и пустое, выполнило бы свое предназначение.

Одно лишь не ясно мне: каждая страна имеет тайны, и каждая страна имеет тайную службу. И тайные службы знают тайны других стран. Так что в неведении остаются, собственно, лишь одни граждане всех этих стран. Это представляется мне несправедливым: ведь как швейцарец я имею больше прав на информацию, чем, скажем, русские или американцы. Часто мне кажется, что любое правительство в своих отношениях с другими правительствами выказывает больше справедливости, чем в своих отношениях с собственными гражданами, что правительства доверяют друг другу больше, чем своим гражданам.

Часто мне кажется, что именно этим можно было бы объяснить «инертность» граждан, не желающих участвовать в выборах. Часто меня посещает мысль: как хорошо было бы, если бы мое правительство доказало мне, что меня оно любит больше, чем американского президента.

Часто мне бывает жаль моих бедных полицейских в гражданском, вызывающих во мне неприязнь тем, что они напоминают мне нечто, к чему вроде бы не имеют никакого отношения.

Перевел с немецкого А. РЕПКО


BRYAN ADAMS

G



«GENTLE GIANT» («Джентл джайент»), группа «Кроткий гигант» образовалась в 1970 г. в Великобритании.

Исходный состав: Дерек Шалмен, вок., сакс.; Рэй Шалмен, вок., бас, скрипка, уд.; Фил Шалмен, сакс.; Керри Миннир, вок., клав.; Гэри Грин, вок., гит.; Мартин Смит, уд.; Малькольм Мортимер, уд.

Соединив в своей музыке мелодику средневековых мадригалов, ритмические диссонансы в духе Белы Бартока и динамику рока, «Дж. дж.» стали одной из ведущих групп Англии, специализировавшихся в 70-е гг. на авангардном арт-роке.

Братья Шалмен начинали в середине 60-х в группе «Simon Dupree and The Big Sound», и в 1967 г. их песня «Kites» попала в десятку англ. хит-парада. Барабанщик и вокалист Джон Уэдерз (он пришел в «Дж. дж.» позже) сотрудничал с группой Грэхема Бонда, Грин играл с джазовыми и блюзовыми исполнителями, а Миннир, выступавший с группой «Grease Band», в конце 60-х окончил Королевскую академию музыки.

Объединившись под названием «Дж. дж.», музыканты двинулись в направлении, которое условно можно назвать концептуальным синтезом «Кинг Кримзон» и «Джетро Талл», хотя структурно композиции «Дж. дж.» в отдельные периоды творчества оказывались гораздо более сложными.

Поначалу популярность «Дж. дж.» не распространялась за пределы Англии, но альб. «Власть и слава», 1974, политическая направленность которого была более чем очевидной, принес группе успех в США. Композиции пл. «Потерянная часть», 1977, были уже более короткими, в них отчетливо прослушиваются элементы хард-рока. К концу 70-х «Дж. дж.» значительно упростили свою музыку, что позволило классифицировать ее как коммерческий арт-рок.

Поняв, что надвигается творческий кризис, музыканты пригласили для продюсирования известного консультанта музыкальных молодежных радиопередач Ли Абрамса — с его участием была записана пл. «Гражданское лицо», 1980, которая все же оказалась последней. Группа распалась. Д. Шалмен перебрался в США, где занялся менеджментом — в настоящее время среди его клиентов такие группы, как «Синдерелла», «Кингдом кам», «Дэн рид нетуорк». Р. Шалмен остался в Англии — некоторое время он работал телевизионным ведущим, сейчас продюсирует малоизвестные группы.

Пл.: Gentle Giant, 1970; Acquiring the Taste, 1971; Three Friends, 1972; Octopus, 1973; In a Glass House, 1973; The Power and the Glory, 1974; Free Hand, 1975; A Giant Step, 1975 (2LP — сборник); Interview, 1976; Playing the Fool, 1976 (2LP — Live); The Missing Piece, 1977; Pretentious, 1977 (2LP — сборник); Giant for a Day, 1978; Civilian, 1980; Greatest Hits, 1981 (сборник).

Изменения состава: 1971 — Мортимер; 1972 — Смит, + Джон Уэдерз, уд., вок.; 1973 — Ф. Шалмен.

«GEORDIE» («Джорди»), группа «Углекоп» образовалась в 1972 г. в Великобритании.

Состав: Брайан Джонсон, вок.; Том Хилл, бас; Брайан Гибсон, уд.; Вик Малколм, гит.

Все музыканты — выпускники Королевской академии музыки, из обеспеченных семей, что гарантировало творческую независимость. Первая пл. «Надеюсь, вам это понравится», 1973, прошла незамеченной: традиционными рок-н-роллами кого-либо удивить было невозможно, хотя и вокалист и гитарист оставляли очень хорошее впечатление.

Неудача не смутила музыкантов, и спустя год они записали свой самый сильный диск «Пусть громкое имя не вводит тебя в заблуждение», две композиции с которого («Little Boy» и «Goin' Down») вошли в англ. хит-парад, а аранжировка известной песни «Дом восходящего солнца» продвинулась в верхнюю часть амер. хит-парада. Вместо рок-н-роллов «Дж.» стали исполнять весьма выразительные ритм-энд-блюзы с четким гитарным рисунком и выдвинутой на передний план ритм-секцией. Следующий альб. «Спаси мир!», 1976, продолжал разработку рок-н-ролльной линии, но аранжировки выглядели не столь унылыми.

На некоторое время музыканты прекратили совместную деятельность, но ни один из их сольных проектов не был доведен до конца. В 1980 году Б. Джонсон получил приглашение от «AC/DC» заменить погибшего Бона Скотта, «Дж.» распались.

Пл.: Hope You Like It, 1973; Masters of Rock, 1974 (сборник — вещи с первой пл., а также композиции, не вошедшие в нее); Don't Be Fooled by the Name, 1974; Save the World, 1976; Featuring Brian Johnson, 1981 (сборник).

«GERRY AND THE PACEMAKERS» («Джерри энд зе пейсмейкерз»), группа «Джерри и лидеры» образовалась в 1961 г. в Великобритании.

Состав: Джерри Марзден, вок., гит.; Фредди Марзден, уд.; Лесли Магуайр, клав.; Лес Чадуик, бас.

Ливерпульская группа «Дж. э. з. п.» стала второй (после «Битлз»), вошедшей в «обойму» менеджера Брайана Эпштейна, и до середины 60-х считалась потенциальным конкурентом «Битлз». Братья Марзден начинали в различных скиффл- и рок-н-ролльных группах, самой известной была «Mars-Bars».

Как и «Битлз», гр. выступала в ливерпульском клубе «Каверна», ездила на гастроли в ФРГ. Первые же три песни, которые продюсировал Джордж Мартин («How Do You Do It!», «I Like It» и «You'll Never Walk Alone»), заняли три первых места в англ. хит-параде (1963), а песня «Как ты это делаешь!» стала первой в США. В 1965 г. гр. снялась в фильме «Паром через реку Мерси», девять песен к которому написал Дж. Марзден.

К 1966 г. композиции «Дж. э. з. п.» становятся более бледными, повторные гастроли по США проходят крайне неудачно, и в 1968 году музыканты решают прекратить совместную работу.

Дж. Марзден начал сольную карьеру, но она также оказалась неудачной — некоторое время он выступал в ночных клубах, был ведущим музыкальной телевизионной передачи, снялся в нескольких мюзиклах. В 1975 году он собрал «Дж. э. з. п.» и организовал в США гастроли нескольких ливерпульских групп, блиставших в 60-х гг. (Аналогичные концерты прошли и в Англии в 1979 г.) В 1985 г. его исполнение песни «Ты никогда не будешь одинок» пробудило интерес к музыке «Дж. э. з. п.», и в США были переизданы все пл. группы.

Пл. (LP): How Do You Do It?, 1963; Ferry Across the Mersey, 1964; Don't Let the Sun Catch You Crying, 1964; Gerry and The Pacemakers' Second Album, 1964 (амер. издание); I'll Be There, 1964; Gerry and The Pacemakers' Greatest Hits, 1964 (сборник); Girl on a Swing, 1965; Best of Gerry and The Pacemakers, 1977 (сборник); Very Best of Gerry and The Pacemakers, 1984 (сборник).

(EP): How Do You Do It?, 1963; I'm the One, 1964; It's Gonna Be All Right; You'll Never Walk Alone, 1964; Don't Let the Sun Catch You Crying, 1964; Gerry in California, 1965 (концертная); Ferry Across the Mersey, 1965; Rip It up, 1965.

GILLAN, IAN. Иэн Гиллан, вокалист, композитор. Род. 19 августа 1945 г. в Великобритании.

Музыкальная карьера выдающегося вокалиста И. Г. началась в 1962 г. в группе «Moonshiners», с которой он выступал около полугода. Позже он присоединился к группе «The Javelins», которая исполняла классические ритм-энд-блюзы — в марте 1964 г. эта группа распалась, и И. Г. организовал блюзовый квартет «The Hickies», по выходе из которого он принял приглашение от группы «Episode Six», где бас-гитаристом был Роджер Гловер: это произошло в 1965 г. С «Эпизодом 6» И. Г. работал до 1969 г. и потом вместе с Гловером вошел в состав «Дип перпл» (см. № 8/88).

Триумф пл. 1970 г. «Ин рок» совпал с появлением рок-оперы «Иисус Христос — Суперзвезда», в которой И. Г. исполнял главную партию — эти два альб. принесли певцу мировую славу. В 1973 г. И. Г. покинул «Д. п.» и в 1975 г. организовал группу «Ian Gillan Band»; в 1978 г. название сократилось до «Gillan». В разное время в состав группы входили такие музыканты, как Джон Густафсон, Рэй Фенуик, Мики Ли Соул, Мик Андервуд. Сольная деятельность И. Г. оказалась менее успешной, нежели в «Д. п.», хотя отдельные пл. пользовались популярностью («Мистер Вселенная», «Дорогой славы» и «Грядущее потрясение»). Однако концертные выступления проходили с большим успехом, и к началу 80-х певец и его группа приобрели репутацию одного из наиболее ярких и эффектных концертирующих коллективов, работающих в хард-роке.

В 1983 г. группа распалась, и И. Г. присоединился к переживающим творческий кризис «Блэк сэббет», с которыми он записал пл. «Born Again» (1983). С 1984 г. певец выступает в составе вновь собравшихся «Дип перпл». Стремление к сольной работе у него не пропало: в прошлом году И. Г. вместе с Р. Гловером записал альб. «Случайно с намерением», а также выпустил сингл «Южная Африка», который получил премию ООН.

Пл. (под названием «Ian Gillan Band»): Child in Time, 1976; Clear Air Turbulence, 1977; Scarabus, 1977.

(Под названием «Gillan»): Live at Budokan Vol. I, 1978 (концертный); Live at Budokan Vol. 2, 1978 (концертный); Mr Universe, 1979; Gillan, 1979 (сборник); Glory Road, 1980; Future Shock, 1981; Double Trouble, 1981 (2LP); No Laughing in Heaven, 1981 (EP); Magic, 1982; What I Did on My Vacation, 1986 (2LP — сборник).

(С Р. Гловером): Accidentaly on Purpose, 1986.
(Соло): South Africa, 1988 (сингл).

«GIRLSCHOOL» («Гёрлскул»), группа «Женская школа» образовалась в 1978 г. в Великобритании.

Исходный состав: Ким Маколифф, вок., гит.; Энид Уилльямс, бас, вок.; Келли Джонсон, гит., вок.; Дениз Дафорт, уд.

Маколифф и Уилльямс начали выступать в 1977 г. в группе «Painted Lady». В 1978 г. после значительных изменений состава появилось название «Г.», а в музыке группы стали заметны элементы хэви метал-рока.

Композиции «Г.» привлекли внимание музыкантов из «Моторхэд», и в 1980 г. они предприняли совместное концертное турне, после которого «Г.» записали свой дебютный альб.; спустя год вышла сорокапятка, записанная с «Моторхэд».

Следующие пл. подтвердили прогнозы специалистов, которые пророчили «Г.» успешную карьеру на поприще «металла»: девушки заметно прибавили в технике владения инструментами, музыка группы стала еще более жесткой, а аранжировки — интереснее; тексты песен «Г.» не лишены юмора.

Изменения в составе не повлияли на творческий потенциал, и сегодня «Г.» являются одной из немногих женских групп, успешно выступающих в традиционно мужском жанре.

Пл.: Demolition, 1980; St. Valentine's Day Massacre, 1981 (EP); Hit and Run, 1981; Screaming Blue Murder, 1982; Play Dirty, 1983; Running Wild, 1985; I'm the Leader of the Gang I Am, 1986 (сингл — с Гэри Глиттером); Nightmare at Maple Cross, 1986; Take a Bite, 1988.

Изменения состава: 1982 — Уилльямс, + Джил Уэстон, бас, вок.; 1984 — Джонсон, + Крис Боначи, гит., + Джеки Бодимид, гит.

GLITTER, GARY. Гэри Глиттер (настоящее имя Пол Фрэнсис Гадд), вокалист, композитор. Род. 8 мая 1940 г. (по англ. энцикл.) или в 1944 г. (по амер. энцикл.) в Великобритании.

Наряду с Дэвидом Боуи и Марком Боланом («Ти рекс») Г. Г. был ведущей фигурой в англ. глэм- или глиттер-роке, разновидности хард-рока, для которой характерны упрощенная мелодика композиций с акцентом на клавишные и гитару, четко выделенный рефрен, эффектные аранжировки и предельная экзальтация исполнения. В этом стиле работали «Суит» и «Нью Йорк доллс», его элементы прослушиваются в отдельных композициях «Слейд», «Стикс», «Мотли крю» и «Твистед систер». («Глиттер» — англ., «блестящий», «броский», «яркий»; кроме того, так называется специальная косметика, которой пользуются исполнители.)

Г. Г. начал выступать в начале 60-х гг. под псевдонимом Пол Рейвн (у него было еще два псевдонима, Пол Монди и Раббер Бакет), и вскоре добился определенного успеха как исполнитель баллад. В 1965 г. он начал сотрудничать с известным композитором и продюсером Майком Линдером; их совместная работа продолжается и сегодня.

Популярность пришла в 1972 г. (к этому времени певец под псевдонимом Пол Монди участвовал в записи рок-оперы «Иисус Христос — Суперзвезда»), когда Г. Г. начал исполнять песни в стиле глиттер-рок. К 1976 г. у него было уже более 10 хитов.

В конце 70-х наступает творческий кризис, Г. Г. уже не в силах поддерживать падающую популярность, его выступления того периода напоминают скорее клоунаду, нежели рок-концерт: певец появляется на сцене в ботинках на огромной платформе, затянутый в расшитую золотом кожу, в ответ на смех и реплики из зала долго переругивается с публикой.

После четырехлетнего перерыва Г. Г. возвращается к записям, много гастролирует,— для его творчества 80-х гг. характерны более мелодичные композиции, в аранжировках некоторых вещей присутствуют духовые, на концертах певец все чаще исполняет баллады, с которых начался его путь в музыку.

Пл. (англ. дискография): Glitter, 1972; Touch Me, 1973; Remember Me This Way, 1974; Always Yours, 1975; Go, 1975; Greatest Hits, 1976 (сборник); I Love You Love, 1977; Gary Glitter's Golden Greats, 1977 (сборник); Silver Star, 1978 (сборник); The Leader, 1980 (сборник); Boys Will be Boys, 1984; Alive and Kicking, 1985 (концертный); C'Mon C'Mon — The Gary Glitter Party Album, 1987.

GLOVER, ROGER. Роджер Гловер, бас-гитарист, композитор. Род. 30 ноября 1945 г. в Великобритании.

Первые музыкальные эксперименты Р. Г. начались еще в школе, в группах «The Madisons» и «The Lightnings»; позже обе группы объединились, взяв название последней. Музыканты играли в молодежных клубах, студенческих лагерях. В 1963 г. Р. Г. поступил в консерваторию на отделение щипковых муз. инструментов; в том же году его группа сменила название на «Episode Six». Летом 1969 г. Р. Г. вместе с Иэном Гилланом присоединился к «Дип перпл».

В июне 1973 г. Р. Г. вышел из состава «Д. п.» и стал штатным сотрудником фирмы «Purple Records» (фирма грамзаписи, которую музыканты «Дип перпл» организовали в 1972 г.), он ведал репертуаром записывающихся групп. Р. Г. в разное время был продюсером пл. «Эльф», «Назарет», «Джудас прист», Дэвида Ковердейла, Иэна Гиллана, «Рэйнбоу», Рори Галлахера, «Статус кво».

Сольные альб. Р. Г. успеха не имели, хотя пл. «Бал бабочек» легла в основу одноименных фильма и книги; позже на эту музыку был поставлен мюзикл. С 1984 г. Р. Г. входит в состав вновь собравшихся «Д. п.».

Пл.: The Butterfly Ball, 1974; Elements, 1978; Mask, 1984; Accidentaly on Purpose, 1988 (с Иэном Гилланом).

«GO-GO'S» («Гоу-гоуз»). Группа «Шикарные девочки» образовалась в 1978 г. в США.

Исходный состав: Белинда Карлайл — вок.; Шарлот Кэффи — гит.; Джейн Уилдин — гит.; Элисса Белло — уд.; Марго Олавера — бас.

«Г.-г.» — женская группа, одна из довольно часто встречающихся в США и исполняющих гитарный рок-н-ролл, аранжированный по законам поп-музыки.

В 1981 г. «Г.-г.» записывают дебютный альб., занявший первую строку американского хит-парада. Успех пл.— результат сотрудничества с известным продюсером Ричардом Готтерером, специализирующимся на женских группах (он продюсировал и удачный первый альб. «Блонди»). В Англии с группой работал и часто выступал продюсер и музыкант Терри Холл («Specials», «Fan Boy Three»). Песня «Каникулы» с одноименной пл. «Г.-г.» стала визитной карточкой группы. Выпустив еще один, менее удачный, альб., ансамбль распадается. Сольную карьеру начали Дж. Уилдин и Б. Карлайл — автор большинства текстов песен «Г.-г.». Однако успех в большей степени сопутствовал последней, и альбом Б. Карлайл «Рай на земле» (1987) возглавил практически все крупные хит-парады.

Пл.: Beauty and the Beat, 1981; Vacation, 1982; Talk Show, 1984.

Изменение состава: 1979 — Белло + Джина Шок, уд.; 1980 — Олавера + Кэти Валентайн, бас.







вне очереди

Американская группа «Синдерелла» сравнительно новая, дата ее образования — 1986 год. Но выпущенный всего лишь через год первый альбом «Ночные серенады» («Night Songs») получил множество восторженных рецензий и занял высокое место в хит-параде. Правда, нашлись скептики, утверждавшие, что музыка «Золушки» как две капли воды похожа на композиции некогда знаменитых «Бостон», а значит, и на «Бон Джови», «Европу», «Мотли крю» и пр., но надо же было с чего-то начинать, а уж если точкой отсчета стал глиттер-рок, то сходство новичков с лучшими образцами можно только приветствовать.

Вторая пластинка «Долгая суровая зима» («Long Cold Winter»), выпущенная прошлым летом, в целом повторяет стилистику предыдущей, и реакция публики на нее была такая же, как и на «Ночные серенады». Стабильный успех! Все те же скептики говорят, что это скорее свидетельствует о коммерческом подходе к музыке, и какой бы максималистской ни казалась такая точка зрения, здравого смысла она все же не лишена.

«Синдерелла»: Том Кейфер, вокал, гитара; Джефф Ла Бар, гитара; Эрик Бриттингхем, бас; Фред Кури, ударные.

Приглашение на охоту

Джордж ХИЧКОК,
американский писатель

Рассказ

Первое, что решил сделать Перкинс, получив это приглашение,— бросить его в огонь. Он и эти люди принадлежали к разным слоям общества, и он счел весьма экстравагантной причудой их намерение приблизить его к себе. Разумеется, онто частенько видел их за высокой кованой оградой особняка: женщин в платьях пастельных тонов, смешивающих коктейли на столиках под полосатыми тентами посреди лужайки, мужчин — загорелых, вылощенных, в смокингах или белых пиджаках. Но ему никогда не приходилось участвовать в их великосветских увеселениях.

Он сказал Эмили:

— Скорее всего это просто ошибка.

— Но как же это может быть? — воскликнула та, вертя в худых красных руках длинный конверт.— В Мэрин Гарденс есть только один Фред Перкинс, да и номер дома указан совершенно точно.

— Но я, хоть убей, не понимаю, почему они меня пригласили. Фантастика какая-то! Разумеется, я и не подумаю пойти.

И он выбежал из своего двухэтажного домика, построенного в стиле калифорнийского ранчо, стараясь поспеть на служебный автобус. И в течение всей дороги ломал голову над непостижимой загадкой: за каким чертом он им понадобился? Неужели в его походке или манерах было что-то такое, что отличало его от окружающих? Правда, был такой случай: однажды компания богатых молодых людей прибыла в бухту на своих гоночных яхтах, и, так уж ему повезло, он оказался единственным на причале, кто смог поймать трос, брошенный с одной из яхт. Он с удовольствием вспоминал золотоволосую загорелую девушку, которая, нагнувшись над бортом, взмахнула тросом: «Держите!» — крикнула она, и тут же трос полетел в его направлении. Он схватил его и набросил на кнехт, потом подтянул яхту к берегу. «Спасибо»,— сказала она через узкую голубую полоску воды, разделявшую их, но уже через несколько минут, когда яхта была окончательно пришвартована к берегу, казалось, начисто забыла о его существовании. Впоследствии она даже не здоровалась при встрече. Нет, тот случай никак не мог сыграть роль в его приглашении.

В мире книг



«Ну, это натуральный Хичкок!» — говорят иногда, подразумевая нечто леденящее кровь. Справедлива ли слава Хичкока — непревзойденного мастера фильмов ужасов,— мы сможем судить, когда на наш экран выйдут купленные прокатом две знаменитые его картины «Головокружение» и «Птицы».

Режиссер Альфред Хичкок (1899—1980 гг.) снял пятьдесят три фильма, и рассказ о его кинематографической деятельности впе-

У себя в Агентстве он погрузился в море счетов и попытался больше не думать об этом, но все же приглашение не давало ему покоя. Наконец, измучившись беспокойством, он направился к телефону-автомату у входа. Он не осмеливался больше пользоваться служебным телефоном с тех пор, как получил письменный выговор мистера Гендерсона. Перкинс набрал номер своего партнера по гольфу Бьянки.

Они условились о встрече в тихом ресторане «Мэйден Лейн». Бьянки совсем недавно окончил факультет права, и его легко было ослепить всем, что имело отношение к высшему обществу.

— Вопрос в том,— сказал Перкинс,— что я не могу понять, зачем они меня пригласили. В то же время я не хотел бы совершать такой шаг, который можно было бы расценить, как... как... ну...

— Пренебрежение? — подсказал Бьянки.

— Вот именно. Мы не имеем права забывать об их влиянии.

— Ну-ка, дай взглянуть на твое приглашение.

Бедняга Бьянки! Ясно, он умирал от желания получить такое же. Да где уж ему! Перкинс достал бумажник и вынул из него твердый картонный листок с серебряной каймой.

— Отпечатано в типографии,— заметил он.

— Такие приглашения всегда там печатаются,— ответил Бьянки, надевая очки в роговой оправе,— но это ничего не значит. Главное, водяные знаки: если их нет, значит, оно фальшивое.

И он посмотрел приглашение на свет, в надежде, как показалось Перкинсу, обнаружить, что это просто чья-то шутка.

— Водяные знаки на месте,— признал он,— господи, оно настоящее!

И Перкинс различил в его голосе почтение, когда он указал на двух львов, стоящих на задних лапах и поддерживающих щит:

— Без сомнения, оно от Маккэев, от тех самых Маккэев.

Бьянки начал читать приглашение, напечатанное староанглийским шрифтом: «Мы будем счастливы, если вы окажете нам честь, приняв участие в охоте, имеющей быть 16 августа сего года. Костюм для охоты обязателен. П. О.»

— П. О. означает «пожалуйста, ответьте».

— Я знаю. Дело в том,— сказал Перкинс излишне громко,— что я не имею ни малейшего желания ехать к ним.

Ему было ясно, что Бьянки ему не верит, но это только укрепило его решимость.

— Для меня эта поездка будет настоящей пыткой. Я с ними незнаком, и, кроме того, у меня совсем другие планы на шестнадцатое.

— Да, да, конечно,— произнес Бьянки успокоительно,— только зачем кричать? Я и так тебя слышу.

Покраснев от смущения, Перкинс оглядел ресторан и увидел, что официанты смотрят на него с упреком. Действительно, эта нелепая ситуация до такой степени выбила его из колеи, что он потерял все свое хладнокровие.

— Как хочешь,— сказал Бьянки,— но я знаю десятки людей в нашем городе, которые пожертвовали бы правой рукой, лишь бы получить такое приглашение.

— Да я и охотиться-то не умею.

— Так научись,— холодно ответил Бьянки. Вслед за чем, подозвав официанта, он расплатился и исчез.

За это время новость уже облетела все Агентство, и Перкинс заметил, что на него смотрят с интересом и почтением. Мисс Нетерсол, самая старшая из библиотекарей, поймала его возле автомата газированной воды и сказала нежнейшим голоском:

— Я так взволнована, мистер Перкинс! Никто в нашем Агентстве не заслужил этого приглашения больше, чем вы!

— Это очень мило с вашей стороны,— ответил он и, стараясь скрыть смущение, наклонился над краном: — Правда, я туда не пойду.

— Не пойдете?.. — Сладкий голосок (результат бесчисленных уроков дикции) издал долгую звенящую руладу.— Не могу поверить, чтобы вы говорили серьезно. Ах, я бы отдала все за такое приглашение!

реди. Сейчас же мы хотим представить вам Хичкока-литератора, составителя антологий оч-чень страшных (потому что во всем, что творил Альфред Хичкок, всегда присутствовала изрядная доля юмора и самоиронии — так, подтверждая свою репутацию, он появлялся «в свете» не иначе как с муляжем собственной головы под мышкой) и весьма добротных в литературном отношении рассказов (в этих сборниках публиковались такие известные писатели, как Фрэнсис Скотт Фицджеральд, Рэй Брэдбери, а также многие писатели, которых сделало известными участие в их судьбе Альфреда Хичкока — например, Ричард Мэтисон, чей рассказ «Кнопка» из одного из хичкоковских сборников мы опубликовали в № 6 за 1981 год). Здесь мы публикуем рассказ из сборника «Истории, которые моя мама никогда мне не рассказывала» (на обложке изображен сам составитель, в послесловии к сборнику написавший: «Я готов присягнуть в любом суде земли, что ни одну из этих историй ни в каком виде мама моя рассказать мне не могла»). В книге собраны глубоко человечные истории о бесчеловечном. Что же касается автора «Приглашения на охоту» Джорджа Хичкока, то в каких родственных отношениях он находится с Альфредом Хичкоком и находится ли — нам, увы, не известно.

«Вот уж в этом я убежден,— подумал Перкинс, бросив взгляд на плоскую грудь и квадратные плечи библиотекарши,— этот вид спорта прямо для вас создан». Но вслух сказал только:

— Я уже обещал быть в этот день в другом месте.

И вернулся к себе в комнату.

Сев за стол, он обнаружил на нем отпечатанную в типографии программу охоты. Он знал, что глаза всех сослуживцев устремлены на него, а потому не осмелился тут же прочесть ее и просто засунул в карман куртки. Чуть позже он встал с безразличным видом и направился в туалет. Там, закрывшись на задвижку, он дрожащими руками развернул программу. Список приглашенных был более чем внушительным. Имена, отпечатанные полужирным шрифтом, занимали три колонки, титулы сверкали среди фамилий, как бриллианты на бархате. Тут были генералы, политические деятели, промышленники, ректоры университетов, издатели толстых журналов, кинозвезды, путешественники, боссы с радио, банкиры, писатели — лауреаты международных премий. Но Перкинс не успел изучить весь список: его глаза наткнулись на буквы, которые, качнувшись и смешавшись, сложились, наконец, в имя, которое он бессознательно искал с самого начала: Мистер Ф. Перкинс. И все. Ни титулов, ни званий. Он перечел его четырежды, потом сложил бумагу и засунул в карман.

— Ну ладно,— сказал он себе, стиснув зубы,— я не пойду. И кончено.

— Телефон чуть не оборвали сегодня утром,— объявила Эмили, едва он вошел в дом и положил портфель на плетеный стул рядом с телевизором.— Конечно, все ужасно завидуют, хоть и не говорят об этом. Меня прямо засыпали поздравлениями. Идем-ка в столовую,— сказала она таинственно,— я приготовила тебе сюрприз.

В эту минуту зазвонил телефон.

— Подожди меня,— сказала она,— не ходи один, я не хочу. Я сейчас освобожусь.

Он ждал, переминаясь с ноги на ногу, пока она кончит говорить по телефону. Ему было не по себе.

— Звонили Корриганы,— сказала она.— Бет приглашает нас 17-го на вечер. Ясно, дата выбрана не случайно. Они хотят узнать все подробности раньше других. Ну, пойдем!

И, счастливая, как ребенок в рождественское утро, она взяла его за руку и повела в столовую.

Перкинс поплелся следом.

— Просто чудо, правда?

На столике из красного дерева (за который еще не все выплачено) были разложены: бриджи для верховой езды, рубашка фирмы «Тэтерсолл», красный камзол с медными пуговицами. А посреди стола, там, где обычно стоят цветы, красовалась пара блестящих сапог.

— А вот и дополнение,— сказала она, размахивая перед глазами мужа желтым шарфом.— Можешь взять одну из моих булавок. Та, что с ониксом и янтарем, думаю, подойдет лучше других. А

еще я заказала хлыст с серебряной рукояткой.

— Ты, я вижу, времени зря не теряла,— заметил Перкинс.

Он взял сапоги и пощупал мягкую кожу.

— Они, наверное, стоят бог знает сколько. Где ты раздобыла деньги?

Эмили рассмеялась:

— Глупый, я же взяла их в кредит!

— В этом камзоле у меня будет идиотский вид!

— Да нет же! Ты красивый мужчина, и потом, я всегда говорила, что в тебе есть шик.

— Не знаю,— сказал Перкинс, колеблясь.— В конце концов, если я решу не ехать, можно будет вернуть все это.

После ужина приехал Бьянки.

— Послушай, Фред,— сказал Бьянки, когда они уселись в гостиной перед двумя коктейлями,— я надеюсь, ты все же передумал... ну... по поводу того...— И он посмотрел в сторону Эмили, чтобы узнать, известно ли ей о приглашении.

— Говори, говори,— сказал Перкинс.— Она все знает.

— Ты можешь, конечно, отказаться, если тебе действительно не хочется туда ехать,— продолжал Бьянки своим «адвокатским» голосом,— но я бы тебе не советовал. Если они поймут, что ты ими пренебрегаешь, они смогут сильно осложнить тебе жизнь, поверь, они найдут для этого способ, и не один.

— Да это же смешно,— прервала Эмили,— он, конечно, не откажется, не так ли, дорогой? И речи быть не может, чтобы ты отказался. Подумай, что это значит для детей! Через несколько лет они поступят в колледж, а ты знаешь, что это такое. Я надеюсь, ты не намерен прозябать в этом домишке до конца дней своих?

— А чем тебе плох этот дом? — возразил ей Перкинс. И тут же вспомнил, что дом еще не оплачен до конца, что, впрочем, не мешало Эмили находить в нем множество недостатков.— И я терпеть не могу охоту. Я буду просто смешон верхом на лошади.

— Не более, чем девяносто процентов остальных гостей. Или ты, может, думаешь, что сенатор Джермен выглядит на лошади как кентавр? А твой патрон Гендерсон?

— Как? Он тоже приглашен?

— Ну разумеется. Если бы ты повнимательней прочел список, ты бы знал.

— Хорошо,— сказал Перкинс,— я поеду.

— Я думаю, это самое умное, что можно сделать,— сказал Бьянки, пытаясь опять впасть в «адвокатский» тон.

В тот же вечер Перкинс ответил на приглашение согласием. Он написал ответ чернилами на простой белой карточке.

— Они-то могут себе позволить карточки с серебряной каймой,— заметила Эмили,— но они обидятся, если ты напишешь на такой же.

И она вызвала рассыльного со словами: «Такие письма не посылают по почте».

Следующая неделя пролетела как сон. Эмили заставила мужа примерить камзол и бриджи, пометила швы мелом и отослала костюм к портному для переделки. Насчет желтого шарфа она решила, что он не подходит. «Слишком кричащий тон»,— объяснила она. И заменила его кремовым, менее бросающимся в глаза. Потом понадобилось подобрать булавку для галстука и запонки. Эмили выбрала серебряные, черненые. Это был громадный расход, но Эмили сумела пресечь возражения мужа.

— Все будет зависеть от впечатления, которое ты произведешь там, и, если все сойдет хорошо, тебя пригласят еще раз и ты сможешь каждый раз надевать один и тот же костюм. А запонки очень подойдут к твоему смокингу.

На работе он заметил, что его окружает ореол почтения. В понедельник директор-администратор предложил ему письменный стол возле окна:

— Конечно, при теперешних кондиционерах разница невелика, но все же вид из окна развлечет вас при вашей монотонной работе.

А в пятницу днем сам шеф, мистер Гендерсон, остановился возле его письменного стола. Фред Перкинс, с которым Гендерсон в течение двенадцати лет здоровался едва заметным кивком головы, был потрясен.

— Мне кажется, завтра мы с вами встретимся,— сказал Гендерсон, присаживаясь на секунду на край стола Перкинса.

— Мне тоже так кажется,— ответил Перкинс осторожно.

— Надеюсь, они дадут нам виски, черт возьми,— продолжал Гендерсон,— я согласен, что горячий пунш составляет одну из традиций старинного дома, но у меня от него пучит живот.

— Я полагаю, что захвачу с собой бутылочку,— сказал Перкинс как заправский охотник.

— Прекрасная мысль,— сказал Гендерсон, вставая.

И, переступая порог, он бросил через плечо:

— Оставьте глоток для меня, Фред.

Вечером, после ужина, Эмили уложила детей спать. Затем она и ее муж пошли прогуляться. Они полюбовались зданием за железной оградой. Аллея с высокими вязами была забита черными лимузинами, на лужайке лакеи расставляли столы для предстоящего завтрака. Они заметили мальчика на вороной кобыле, открывающего ворота. Он гнал около сорока вычищенных до блеска вороных лошадей к конюшням, расположенным за домом.

— Погода завтра будет прекрасная,— сказала Эмили, когда они вернулись домой.— Ты чувствуешь? В воздухе пахнет осенью.

Перкинс не ответил. Он задумался. Ему не хотелось ехать, что-то в нем противилось этой затее с охотой. Он дрожал от внутреннего нервного напряжения. Но в этом не было ничего удивительного: завтра ему предстояло вступить в новый мир, и он боялся допустить промах, показаться смешным.

— Надо лечь пораньше,— сказала Эмили,— ты должен хорошенько отдохнуть.

Перкинс согласился с ней. Эмили ушла спать в детскую, а он поставил будильник на шесть часов. Но разбудили его задолго до звонка.

— Перкинс? Вы Фред Перкинс?

Он подскочил на кровати.

— В чем дело?

Уже рассвело, но солнце еще не взошло. В спальне находились два человека. Тот, что тряс его за плечо, был в черной кожаной одежде и фуражке из желто-красных клиньев.

— Живо! Вставайте! — скомандовал он.

— И поторапливайтесь! — добавил второй, постарше и поменьше ростом, также в кожаной куртке.

— Да что происходит? — спросил Перкинс, совсем проснувшись. Сердце у него бешено колотилось.

— Сойдите с кровати,— сказал тот, что повыше, и одним рывком сорвал с Перкинса одеяло. Тут Перкинс увидел на черном кожаном отвороте двух львов, держащих золотой щит.

— Так в чем дело? — переспросил он машинально.

— Охота, охота, на охоту пора,— ответил старший.

— Тогда погодите, я оденусь.

И Перкинс, пошатываясь, пошел к шкафу, где в полумраке едва виднелся великолепный красный камзол и бриджи, заботливо расправленные на вешалке. И тут его ударили маленькой дубинкой, которую он до того не заметил в руке у рослого егеря.

— Это вам не понадобится,— сказал второй, ухмыляясь.

Краем глаза Перкинс увидел, что он схватил камзол за баски и разодрал его надвое.

— Что вы делаете? — воскликнул Перкинс, но не успел опомниться, как рослый егерь заломил ему руку за спину и вытолкнул за дверь, в ледяное бледное утро.

Обернувшись, он успел увидеть Эмили в ночной рубашке, успел услышать ее крик ужаса и звон разбитого стекла, когда маленький егерь захлопнул дверь. Он бросился бежать по лужайке, но оба егеря быстро нагнали его. Схватив под руки, они проволокли его по улице до того места, где город переходил в поля. Тут они швырнули его в жнивье, и маленький егерь вынул хлыст.

— Ну, теперь беги, сукин сын! — взревел рослый.

Перкинс почувствовал ожог хлыста на спине. Он поднялся на ноги и, шатаясь, кинулся бежать. Сухое жнивье кололо босые ноги, пот заливал лицо, изо рта вылетали жалобы вперемежку с ругательствами. Но он бежал, бежал, бежал... Потому что теперь он понял... потому что теперь он уже слышал заливистый лай гончих в полях, позолоченных ранней осенью, торжествующий звук охотничьих рогов и улюлюканье охотников.

Перевод И. ВОЛЕВИЧ



ТВ ПОКАЗАЛО — ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ. Известно, что в семье Джексонов поют все. Ла Тойя Джексон, старшая сестра Майкла, совершила «блиц-круиз» по Европе, представляя свой новый альбом «Ла Тойя». Каждый день — новая страна! Как сообщает западногерманский журнал «Браво», в Мадриде певица обзавелась черной шляпой в стиле испанских кабальеро, в Мюнхене ее пленил овощной рынок (Ла Тойя — убежденная вегетарианка), но главное — сотни и сотни разнообразных цветов. Цветы — ее страсть, они окружают ее повсюду, в том числе и в маленьком модном магазине, который Ла Тойя приобрела, чтоб стать финансово независимой от семейной славы и песен.



ИСТОРИЯ НА ХОЗРАСЧЕТЕ. Каждую осень сотрудники историко-археологического исследовательского центра, расположенного неподалеку от Копенгагена, отбирают двенадцать семей, которые будут отправлены... в железный век. Счастливчикам, уплатившим за путевку в прошлое, выдается одежда, сшитая по образцам тех времен, дрова для костра, девятидневный запас продуктов — тех самых, которыми питались далекие предки, предоставляются хижины-мазанки. Единственное условие: не вносить в железный век ничего из века компьютеров. А далее — выживай как хочешь. Выгода взаимная: общаясь с нетронутой природой, туристы освобождаются от стрессов настоящего, историки же изучают поведение людей в условиях, которые предоставляет им прошлое. Как сказал Ян Лувенхейм, программист из Копенгагена, перетирая каменным жерновом зерно, «я убедился в том, что наши предки были ничуть не глупее нас — это как-то сбивает спесь!»

ПО МИЛАНСКОЙ УЛИЦЕ усталой походкой бредет плохо одетый, рано постаревший человек... Неужто это наш хороший знакомый, комиссар Каттани! После сражений с сицилийской мафией и с торговцами наркотиками (три предыдущих «Спрута»), лишившись семьи, друзей, Каттани обосновался в Милане, где ведет борьбу с мелкими жуликами. Но, разбирая на первый взгляд незначительный случай, комиссар снова сталкивается со «Спрутом». Комиссару снова помогает женщина (на этот раз ее играет Патриция Милларде), в которую герой не может не влюбиться.

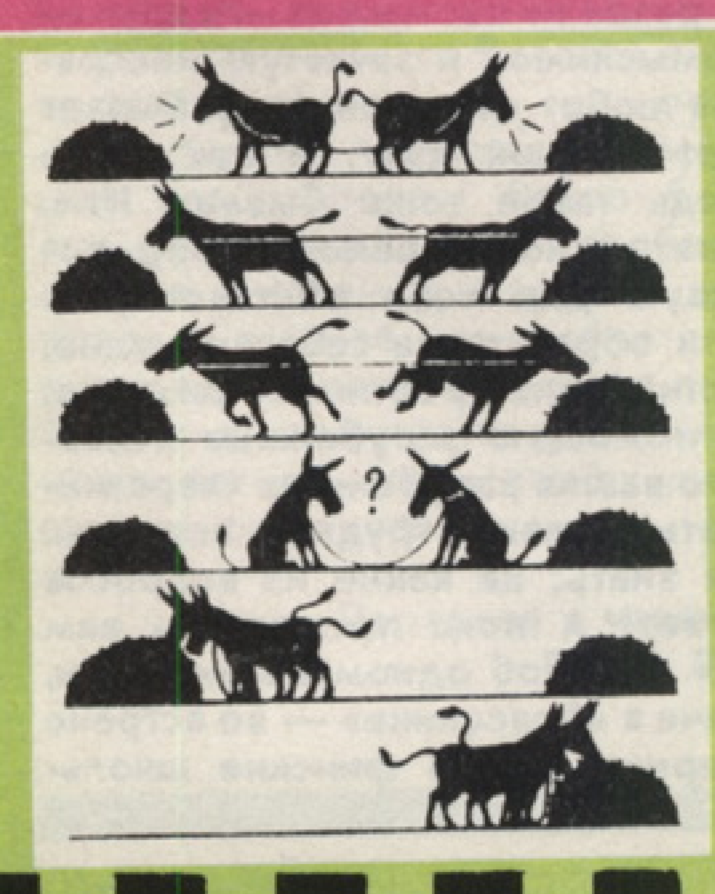
Итак, «Спрут-4», десять серий. Начиная с первого «Спрута», миллионы телезрителей во всем мире следят за подвигами бесстрашного комиссара. Но актер Микеле Плачидо жалуется: «Я, похоже, обречен на роль Каттани: пока реальная полиция не победит реального «Спрута», я без работы не останусь».



О КАКОМ КЛИЕНТЕ МЕЧТАЕТ ПАРИКМАХЕР! О лысом. Шутки в сторону: на европейском конкурсе парикмахерского искусства среди мужских мастеров работа с полупариком (или тупеем) при сохранении естественных волос оценивается особенно высоко, и клиенты с лысиной — ну просто нарасхват!

НОВЫЙ ВИД УСЛУГ появился в последние годы в Таиланде. Предприимчивые местные птицеловы — экзотические птицы всегда пользовались спросом у туристов — берутся за три дня обучить «ушастого скворца», небольшую черную птицу с ярко-желтыми наростами — «ушами», насвистывать любую песню из репертуара любой группы или исполнителя. Птицеловы внимательно следят за хит-парадами и заранее начинают готовить «исполнителей». Не пугает дрессировщиков и то, что хит может оказаться «однодневкой», и птица останется непроданной. В этом случае ее просто выпускают на волю, через несколько недель она снова «заговорит» по-птичьи. Впрочем, встречаются и настоящие меломаны. Так, говорят, где-то водится стая скворцов, замучивших местных жителей одной из песен группы «Скорпионз».

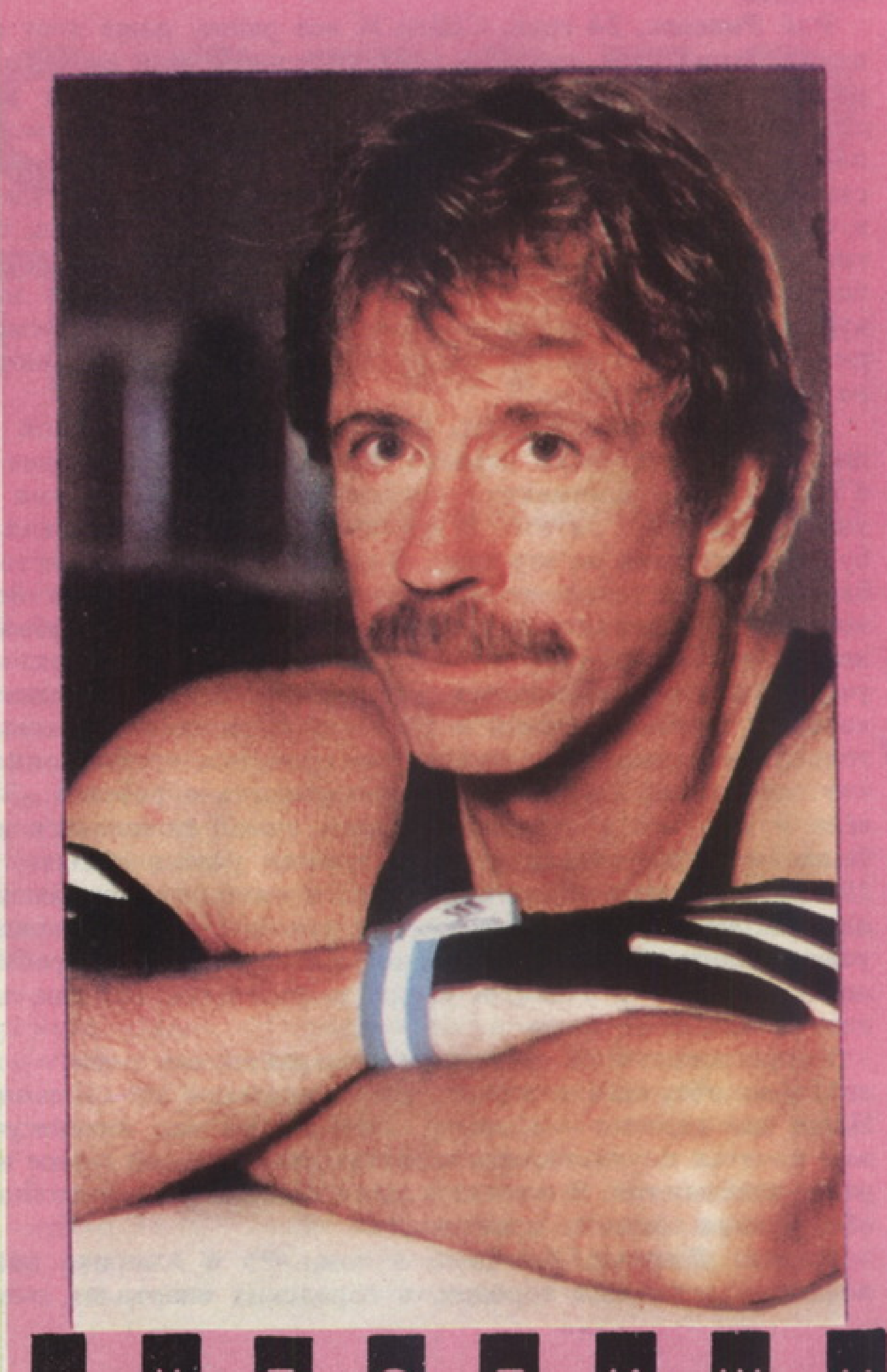




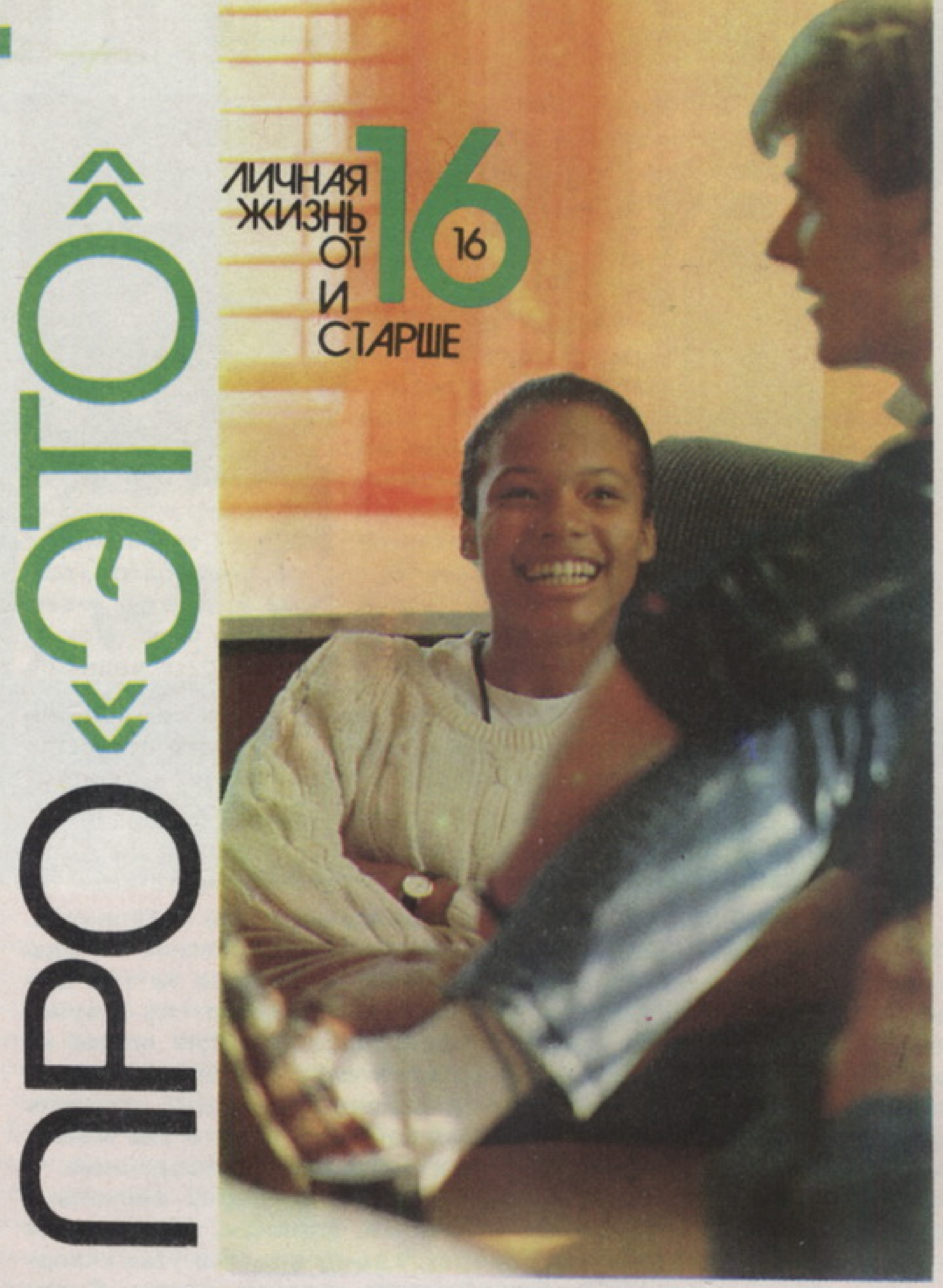
В ЭТОМ НОМЕРЕ «РОВЕСНИКА» на стр. 6 мы публикуем материал о Совместной творческой мастерской Квакерского молодежного театра из Великобритании и Студенческого театра МЭИ. Здесь мы предлагаем вашему вниманию рисунок, подаренный нам английскими актерами, и объявляем КОНКУРС: того, кто угадает, какую подпись поставили под рисунком молодые англичане, ожидает приз — подписка на «Ровесник» на 1990 год.

ЕСЛИ У ДВЕРЕЙ ВИДЕОСАЛОНА в Москве, Норильске или Тамбове стоит длинная очередь в основном молодых людей, то можно с достаточной долей уверенности предположить, что в этом видеосалоне демонстрируется фильм с участием знаменитого американского актера Чака Норриса. Недавно в США вышла книга Чака Норриса «Секрет внутренней силы», в которой он, человек не спортивного склада и не имевший особых наклонностей к актерскому ремеслу, рассказывает о том, как стал чемпионом в области боевых искусств и пользующимся успехом актером.

Что же касается его последних работ в кино, то недавно Чак Норрис закончил съемки в фильме «Герой и страх». Как говорит сам актер, «эта роль выпадает из ряда моих предыдущих ролей. Я создавал образ человека более хрупкого и ранимого, и этим более близкого мне самому, чем все мои прошлые супергерои. В фильме рассказывается о детективе, охотящемся за убийцей-безумцем, но это расследование тяжело отражается и на психическом состоянии самого детектива. Мне было интересно внести человеческий и психологический оттенок в традиционный триллер. Что не означает, что я отрицаю чисто приключенческий фильм как таковой».



ПРО «ЭТО»



Под этой рубрикой «Ровесник» начинает публикацию материалов, посвященных тому глубоко личному, что есть в жизни каждого и чем трудно поделиться даже с самыми близкими людьми. Но почему «от шестнадцати»? Разве у тех читателей «Ровесника», которым «до», нет своих личных и уже далеко не детских проблем?

В рекламе одной из американских книг по половому воспитанию было сказано: «Уважаемые родители! Если вам трудно обсуждать эти вопросы со своими подросшими детьми, постарайтесь «забыть» эту книгу на каком-нибудь видном месте!» Так что давайте решим, что материалы этой рубрики «случайно» прочтут и те, которым еще не исполнилось шестнадцать.

Период взросления не зря называют «трудным возрастом» — этот возраст труден не только для родителей, для окружающих, прежде всего он труден для того, кто взрослеет, кому впервые самому приходится решать проблемы, прежде либо не существовавшие, либо решавшиеся за него старшими. И дело не только в половом созревании, хотя это тоже важно. А разве не возникает — вдруг — в этом возрасте прежде немыслимой и зачастую несправедливой мысли, что тебя не любит мать или отец? Бывает такое. А разве не предает лучший друг, и как вести себя в этом случае? А ведь такое тоже бывает. Или, предположим, вы переезжаете в новый район, город, попадаете в совершенно новую для себя обстановку и страдаете от невозможности обратить на себя внимание, от мучительной застенчивости! Таких проблем множество, и в них вы не одиноки. С помощью зарубежных психологов, писателей, да и просто ваших зарубежных сверстников мы постараемся отвечать на ваши трудные вопросы. Но, главное, мы бы хотели знать: на какие из вопросов вы бы хотели получить ответ? А пока предлагаем вам почти что стенографический отчет об одном обсуждении, которое состоялось на встрече в «Ровеснике» — во встрече участвовали советские, американские и финские школьники и студенты.

Корреспондент: Проблему полового воспитания не так уж часто обсуждают на страницах советской прессы, поэтому нам интересно, как обстоит дело в США и Финляндии. И прежде всего — проблема ли это?

Грег Ву, 17 лет, США: Да, проблема. Я считаю, что в наших школах сексуальному образованию уделяется недостаточное внимание. Вот в нашей школе хоть и читают такой курс, но, например, вопросы контроля над рождаемостью, предотвращения беременности не рассматриваются. И многие ребята считают, что контролировать рождаемость можно абортами, а ведь это неправильно!

Лена Данилова, 18 лет, СССР: У нас в стране женщины тоже прибегают к абортам — именно потому, что нет никакой информации о противозачаточных средствах, люди совершенно не воспитаны в этом вопросе, об этом не говорится — об этом не принято говорить! У нас как-то исторически так сложилось, что подобные темы запретны, что детям, подросткам об этом говорить нельзя, это нехорошо, стыдно. Чем позднее они обо всем узнают, тем, считается, лучше! А ведь возникают трагедии, рушатся целые жизни.

Карина Гимаева, 17 лет, СССР: В наших школах обязательно должен быть введен курс полового воспитания! Язык не поворачивается поговорить об этом с родителями или с учителями, а та «информация», которой мы делимся между собой, зачастую и приводит к самым печальным результатам. Все на уровне каких-то слухов!

Клара Шин, 17 лет, США: В школе, где я учусь, есть спецкурс, его начинают читать где-то с 12—13 лет, в старших классах дают более подробную информацию — сейчас этому уделяют особенное внимание из-за СПИДа. Старшеклассникам рассказывают о том, что такое СПИД, говорят о презервативах, потому что ученые считают, что это один из наиболее эффективных способов профилактики болезни.

Шона Плэйсидо, 17 лет, США: Но в некоторых школах родители выступают против такого обучения и добиваются его отмены, особенно в тех районах, где сильны религиозные взгляды.

Рэй Ривелес, 24 года, США: И все равно, даже этот существующий курс не очень эффективен. На мой взгляд, гораздо лучше было бы сделать так: старшеклассники рассказывают обо всем этом в младших классах, они могут поговорить о своем личном опыте, они, может быть, менее скованны в таком разговоре, чем учителя... Вряд ли здесь, в СССР, стоит перенимать наш американский подход, потому что он не очень эффективен, проблемы все равно остаются. Но какие-то практические результаты даже наш курс все же дал; вашим учителям, наверное, стоит посмотреть на опыт тех наших школ, где эти проблемы решаются наиболее эффективно.

Кванза Джоунс, 16 лет, США: Например, в одной из школ Детройта была введена продажа контрацептивов — в корпусе, где занимаются старшеклассники. Но я сама не знаю, правильно ли это. В других школах распространяют буклеты, книжки на эту тему. В одной из школ Вашингтона было введено такое: те старшеклассники, у которых есть младшие братишки или сестренки, приводят их с собой в школу, чтобы ребята, у которых нет в семье маленьких, научились с ними обращаться, возиться — мыть, переодевать, кормить. Чтобы и юноши и девушки могли получить какие-то первые навыки отцовства и материнства, чтобы поняли, что это такое, какая это ответственность — ребенок. Бывает и так, что у старшеклассницы самой появляется ребенок — вы же знаете, у нас в школах учатся дольше, до 19 лет,— и вот в таких ситуациях в наиболее прогрессивных школах становятся на сторону ученицы, она продолжает учиться, иногда приносит ребенка с собой в класс, и ребята помогают ей — в учебе, в уходе за ребенком. Но так, конечно, бывает не везде.

Корреспондент: Я смотрю на американских ребят — вы свободно обсуждаете вопрос, вы совершенно не скованны. Наши же девочки — я вижу, этот вопрос вас интересует, вам хочется поучаствовать в дискуссии — тем не менее все равно стесняются. Я понимаю ваши чувства: у нас подобные обсуждения вести не принято.

Кванза Джоунс: Все дело в том, что в Америке даже в самых маленьких городах, в городских кварталах очень

много дискуссионных клубов, где люди могут собираться и обсуждать любые проблемы, в том числе и эти. Дискуссионные клубы есть в каждой школе, у нас есть привычка к свободному обсуждению всех проблем, а поскольку тема, которую мы сейчас обсуждаем,— одна из важнейших, мы так свободны в разговоре и так охотно на него идем.

Корреспондент: А вы обсуждаете эту проблему со своими родителями или все-таки есть психологический барьер?

Шона Плэйсидо: Я обсуждаю эти вопросы со своими родителями совершенно свободно, но, конечно, все зависит от атмосферы в семье. Но поскольку сейчас по телевидению идут целые программы о том, как уберечься от СПИДа, коммерческие рекламы презервативов — только СПИД «пробил» разрешение на такую рекламу,— то так или иначе, поскольку ребенок все это видит, эта тема витает в семье.

Норм Халл, 29 лет, США: Я должен объяснить еще вот что: в США эта проблема сейчас стоит так остро потому, что возрастной уровень вступления в сексуальные связи понизился. Когда я был молод, это считалось более-менее нормальным лет в 16—17, но сейчас среди молодежи это считается нормальным даже с 14 лет! И вот, к примеру, девочка 15 лет родила ребенка — это ведь не только проблема сексуального воспитания, не только вопрос здоровья, это проблема моральная: как может пятнадцатилетняя девочка воспитывать ребенка, если она сама еще ребенок? У нее ведь еще нет ничего — ни средств к существованию, ни жизненного опыта. В годы моей юности такую девочку окружающие ну морально просто сжигали на костре. Сейчас на это смотрят проще, да и те старые взгляды, конечно, дикость, нельзя так относиться к людям.

Маркку Вутасаари, 18 лет, Финляндия: У нас уроки сексуального воспитания начинаются в самых младших классах, я сам уже к 9—10 годам знал все, что нужно знать о том, как уберечь женщину...

Клара Шин: Неужели?

Маркку: ...да! Такие уроки идут три раза в неделю, и считается, что в Финляндии эта система отлажена лучше, чем в других странах!

Карина Гимаева: У нас ведь тоже есть эта проблема — тоже понизился возрастной уровень тех, кто вступает в половые отношения, такие данные нигде не публикуются, но мы сами-то знаем!

Клара Шин: А вот это решение — не обсуждать проблему,— оно принято правительством или обществом?

Лена Данилова: Да нет, я уже говорила об этом: так сложилось исторически. Это считается аморальным — ой, не надо, не надо, эта тема всегда была как бы под моральным запретом, на протяжении веков. Возможно, так было и в жизни. Но сейчас в жизни эту мораль обходят, а говорить об этом — не говорят.

Клара Шин: У меня вот такой вопрос. Я знаю, что с первого же момента образования Советского государства женщины получили равные с мужчинами права. Эти права сейчас действительно равны. Но не связываете ли вы проблему ранних беременностей вот с этими равными правами? Потому что, я слышала, некоторые советские женщины считают, что эти права даже «слишком» равные, что общество не учитывает сугубо женских интересов, стремлений, сложностей. Для нас это очень важно, потому что американские женщины только сейчас начинают завоевывать свои права.

Лена Данилова: В какой-то степени это связано, конечно, с тем, что женщины получили бо́льшие права, женщины чувствуют себя независимыми и в моральном, и в материальном плане. Раньше считалось совершенно невозможным, чтобы девушка вступала в брак недевственницей, сейчас на это смотрят проще — в конце концов, если во всех остальных сферах жизни она равна мужчине, то почему бы ей не быть равной ему и в этой? Почему ей не иметь такого же добрачного полового опыта, который — в глазах общества — допустим для мужчин? Но я читала, что такая моральная и материальная независимость тоже имеет обратную сторону: некоторые женщины не желают выходить замуж и рожают ребенка «для себя», не думая о том, каково ему жить в неполной семье, без отца.

Рэй Ривелес: Еще лет десять назад, если незамужняя девушка ждала ребенка, это считалось в Америке непереносимым позором, семья старалась как-то скрыть. Сейчас взгляд такой: ладно, раз уж с дочерью такое случилось, значит, семье надо как-то с достоинством эту проблему решить. Есть определенные религиозные взгляды на аборт, на убийство плода, и если девушка забеременела, семья должна терпимее относиться к такой ситуации. Насколько терпимы семьи в Советском Союзе в этих ситуациях?

Карина Гимаева: Ну да, и у нас раньше такое было. Да и сейчас есть. Но я знаю семью, в которой мать ради здоровья дочери, ради еще не родившегося ребенка поддержала дочь. У них сейчас маленький, и мать делает все, чтобы помочь дочери.

Лена Данилова: Но так бывает редко! Мы же читаем в газетах о случаях, когда девушка, испугавшись мнения семьи, может даже убить новорожденного. Бывают ведь такие дикие случаи! И все это из-за диких нравов в семье.

Дэниель Хэммер, 18 лет, США: А может ли старшеклассник спокойно купить в вашей аптеке презерватив?

Корреспондент: Давайте-ка я вам отвечу: да, может, но продавщица в аптеке — как правило, женщина,— так на него посмотрит, что в следующий раз он туда не пойдет.

Дэниель Хэммер: Я именно потому и спрашиваю, что у нас такое тоже есть. Поэтому и делают у нас автоматы по продаже противозачаточных средств, есть также специальные аптеки для мужчин и для женщин — чтобы не оскорблять чувства стыдливости.

Шона Плэйсидо: Я должна сказать, что, несмотря на серьезные предубеждения против аборта, на серьезные моральные препятствия — у нас ведь общество очень религиозно,— тем не менее некоторые девочки идут на аборт. Но для этого требуется письменное согласие родителей. А каковы правила в Советском Союзе?

Лена Данилова: Аборты не запрещены, ну и, по-моему, никакой подписи от родителей не требуется... Впрочем, я точно не знаю.

Карина Гимаева: А я знаю, у нас в школе были такие случаи — об этом сообщается в школу. Хотя это и незаконно. Учителя знают, они никому об этом не говорят, но знают. По-моему, это незаконно: как же тогда соблюдается врачебная тайна?

Клара Шин: Я бы хотела вернуться к проблеме равенства между мальчиками и девочками. Я знаю, что у вас с детства девочкам внушают мысль о том, что они с мальчиками равны. А вот внушают ли такую мысль мальчикам? Как их воспитывают? Даже если им эту мысль не внушают, я вижу, что здесь мальчики очень бережно относятся к девочкам, например, они носят им тяжелые сумки — мы это видели во время нашего путешествия, помогают им. У нас такого нет. Каждый тащит свою сумку сам.

Лена Данилова: Это не зависит от равенства полов. Просто у нас так уж сложилось исторически, что мужчина должен быть воспитан в духе рыцарства, уважения к женщине. Вот я во время поездки наблюдала за американскими ребятами — у нас с этим как-то лучше, наши мальчики действительно стараются помогать девочкам.

Норм Халл: Э-э-э...

Шона Плэйсидо: А вот если молодая девушка родила ребенка, то какую роль в его воспитании играет отец? Ведь часто и отец и мать — подростки. У нас в США сейчас этот вопрос обсуждается в печати, это очень важный вопрос. Надо, чтобы юные отцы действительно чувствовали себя ответственными...

...И в этот момент разговор прервали — гостям пора было ехать на следующую встречу. По дороге к лифту представители американской стороны продолжали задавать вопросы, которые, как они считали, необходимо было обсудить, да не хватало времени: «А как у вас относятся к межрасовым бракам?», «Обсуждают ли у вас в прессе случаи жестокого обращения родителей с детьми?», «Как относятся ваши женщины к использованию женской красоты в рекламе?» и многое-многое другое. Мы же надеемся, что читатели могут продолжить список этих вопросов — вопросов, которые стоит обсудить в новой рубрике «Ровесника».

Записала **Н. РУДНИЦКАЯ**

В ЛЮБОВЬ СО ВТОРОГО ВЗГЛЯДА

Вот она сидит перед нами, Штеффи-суперстар, на возвышении в скупо обставленном новом конференц-зале Уимблдона, где единственное украшение — развешенные по стенам фотопортреты великих победителей этого величайшего в мире теннисного турнира. Мы видим тут Бориса Беккера, Пэта Кэша и Джона Макинроя, который вылетел из последнего розыгрыша уже во втором круге, заметив напоследок, что «в той форме, в которой я сейчас нахожусь, я не выиграл бы и женского розыгрыша».



Хотел ли он таким образом польстить женщинам-теннисисткам? Нет, Макинрой не из льстецов. Он, кстати, довольно часто отпускал шуточки и говорил колкости об уровне женского тенниса. За последние шесть лет лишь одна из теннисисток снискала его уважение: Мартина Навратилова, первый номер последних лет. Но вот теперь к ней присоединилась Штеффи Граф — ее портрет появился на стене конференц-зала в Уимблдоне. Здесь, в Мекке тенниса, она окончательно доказала, что не является «калифом на час», что вошла в элиту на многие годы и что качество ее игры, ее сила и надежность превосходят все то, что было в женском теннисе еще только вчера.

Журналисты ждут ее слов. Открыты блокноты, включены магнитофоны. Она должна сказать на весь мир, как она чувствует себя, полчаса назад одержав победу над Навратиловой, величайшую победу в своей спортивной карьере. Ну, как? «Я очень счастлива,— говорит она,— я очень взволнована». Но никакого энтузиазма в голосе. Она произносит эти слова почти безразлично, как формулы, и беглая полуулыбка на ее лице. А когда журналист задает следующий вопрос («Почему в первом сете финала у вас не шла игра?»), то с лица пропадает и эта маленькая полуулыбка — и вот перед нами снова непоколебимо-серьезная Штеффи Граф.

На пресс-конференциях, в общении она ведет себя втрое серьезнее, чем это кажется нужным. Она сидит перед цветом мировой спортивной журналистики — императрица тенниса в возрасте девятнадцати лет — и кладет голову на подставленную ладонь. Это ее привычная поза. Она говорит, что «была недостаточно агрессивна» и «очень, очень разозлилась на себя». А потом она своевременно взяла себя в руки, что и привело к привычному концу: подача, пушечный удар, победа — Штеффи Граф. И она хихикает в переполненный журналистами зал — журналистами, перед которыми она уже привыкла выступать, но любимой привычкой это отнюдь не стало. Рассказать о себе перед чужими людьми и при этом суметь выразить свои мысли в кратких, емких, подходящих для газетных заголовков афоризмах — этого она не умеет. Но в конце концов, разве она непременно должна это уметь?

Йохен ХАРБЕРГ,
западногерманский журналист

Кто она, Штеффи Граф? Штефания Мария Граф — она родилась 14 июня 1969 года — оценивает саму себя прежде всего по той позиции в теннисе, которую она занимает, а вовсе не по способности быть экстравагантной, симпатичной, остроумной. Ее отношение к теннису сходно с отношением делового человека к бизнесу. (Теннис наряду с боксом лидирует среди видов спорта по размеру гонораров.) Но суть в том, что умение быть привлекательной, остроумной и иногда экстравагантной традиционно считается частью бизнеса в женском теннисе, потому что именно таких теннисисток любят газеты и журналы, а также международные менеджеры и организаторы турниров. Каждый газетный заголовок, каждая газетная публикация поддерживают интерес публики к игре — интерес, приносящий миллионы. И вот уже многие со страхом ждут того дня, когда уйдут из тенниса Мартина Навратилова и Крис Эверт — «великие леди», так высоко ценимые публикой за то, что они — индивидуальности, каждая со своим шармом. И во что превратится женский теннис, когда их не будет на корте? Не наступит ли тогда пресное однообразие, в котором зачастую обвиняют непоколебимо-серьезную и ровно-постоянную Штеффи Граф?

Но вряд ли эти упреки справедливы. Штеффи Граф принесла однообразие в теннис? Да, она все время выигрывает, выигрывает матч за матчем и турнир за турниром, выигрывает и оказывается на голову выше всех, и редко кто умеет оказать ей настоящее сопротивление,— и эта игра, в которой все время побеждает одна, кажется публике однообразной. Но не должна же она играть хуже, чем умеет? Штеффи бесцвётна? Но — позвольте напомнить — в девятнадцать лет Эверт тоже еще вовсе не была любимицей публики, так же как и Навратилова, которая в эти годы, только что попав из ЧССР в США, посадила

себя на диету из гамбургеров и кока-колы и выглядела все-таки как порядочная толстушка. Многим больше нравится Сабатини. Но — спросим себя: не имеет ли наше восхищение Сабатини чисто оптических причин? Сабатини хороша собой. Но она редко выигрывает у Граф.

Да, Штеффи Граф приносит в теннис черты стерильного совершенства, которое не доставляет удовольствия зрителям. Она хочет побеждать? — говорит публика.— Пусть побеждает, пожалуйста, но зачем же именно так? Подача как выстрел, удар, как у убийцы, а удар из-за головы грохочет так грозно, как будто это высший суд. Когда после смены сторон теннисистки имеют несколько секунд для отдыха, она не пользуется ими до конца и деловой походкой первой занимает свое место на линии; она все время в движении; подавая, она уже держит в руке мяч для второй подачи. Она действует, как мужчина-супермен, для которого пауза в бою — это уже регресс, а потеря времени — величайший недостаток. Это все знают, все видят. Однажды игравшая с ней австрийка Петра Хубер закричала ей: «Э, ты, чего ты так торопишься, хочешь успеть на ближайший поезд, что ли?»

Штеффи Граф в чем-то схожа с Иваном Лендлом. Не только тем, что, как и он, имеет пристрастие к овчаркам. У них похожая судьба: публика уважает, но не любит их. Кто же будет любить узкого специалиста? Вот Лендл: «Если люди хотят видеть спектакль, то пожалуйста, но только пусть тогда не идут туда, где играю я». А вот Граф: «Я кажусь самой себе дурочкой, если по обязанности начинаю улыбаться на корте». Это не ее стиль. Она играет в теннис «made in Germany», по духу похожий на тот футбол, что исповедуют парни Беккенбауэра: сила через радость, без труда не вытянешь и рыбку из пруда, и тренировка, тренировка, еще раз тренировка. Одно отличие: она лучше, чем все эти футбольные боровки, бухвальды, бреме. Она беспощадно хороша. А что до того, что думают зрители, то это — так поведала Штеффи во время Уимблдона — ей «все равно: я это я, и я ответственна только перед самой собой».

Кто протестует громче всех против нордического тенниса Граф? Неудивительно, что это те, для кого женщина немыслима без традиционных женских качеств: кокетства, доли слабости, желания нравиться и т. д.— средиземноморские поклонники тенниса. Совсем недавно газета «Бильд», купившая у Граф право публиковать первой ее интервью (гонорар: 500 тысяч марок в год. Это составляет 166 тысяч рублей по официальному курсу.— *Прим. пер.*), опубликовала к девятнадцатилетию Штеффи заметку итальянского обозревателя Цезаре Ланца из еженедельника «Ева». Штеффи не нравится ему, написал этот добрый человек, потому что она «чересчур честолюбива, чересчур жестока, она как кухонный комбайн, который смолачивает все подряд, она бесчеловечна, как компьютер». Через день «Бильд» ответил итальянцу, облаяв его устами самого канцлера. Гельмут Коль сообщил коротко, но ясно, что «Штеффи — это прекрасная немецкая девушка». Содержательный спор. Ну а на самом деле — Штеффи Граф, какая она?

Кажется, Штеффи Граф существует в двух ипостасях: на корте и вне его. И те качества, что раздражают публику на корте, вне корта вызывают уважение. Да, вне корта «прекрасная немецкая девушка» всем внушает симпатию, ее скромность воспринимается всеми как достоинство, ее серьезность — тоже положительное качество. Кто же из родителей пожелает своей девятнадцатилетней дочери несерьезного отношения к жизни?

Слава и богатство, судя по всему, не изменили и не извратили характера Штеффи Граф. Своей лучшей подругой во время беспрерывных разъездов по миру она по-прежнему называет американку Мэри Джо Фернандес, дочку адвоката. Они знакомы еще со времен юношеских турниров. «Штеффи осталась невероятно естественной,— говорит Мэри Джо.— Я немножко боялась, что обилие успехов и весь этот шум вскружат ей голову, но она и теперь ни капельки не задается».

Дружба в теннисе — дело относительное, когда речь идет о больших призах и победах. «Мы между собой говорим о поп-музыке, о всем таком...— это Мэри Джо Фернандес.— О теннисе — нет». Но даже и Клаудиа Коде-Килш, которую успехи Граф отодвинули в тень, подтверждает, что номер первый в ее виде спорта «вообще-то говоря, довольно-таки мила». И не только Коде-Килш так думает. С некоторых пор Штеффи получает дружеские письма от необычного адресата. Коротенькие записочки все чаще и чаще посылает ей Мартина Навратилова. Впервые Навратилова написала ей в 1984 году, когда Граф сломала большой палец во время открытого чемпионата Австралии. Тогда она пожелала ей скорейшего выздоровления, сейчас иногда поздравляет ее с хорошей игрой и спрашивает, не хочет ли Штеффи принять участие в работе профсоюза теннисисток «Вита». Многолетняя королева женского тенниса «с охотой имела бы больший контакт со Штеффи». Из каких побуждений? Не ищет ли она выгоды? Того, кто симпатичен тебе, не так легко побить на корте, как того, кто безразличен или даже неприятен. Это знают все теннисисты. Но, может быть, эти предложения дружбы, с которыми тридцатилетняя женщина обращается к девятнадцатилетней девушке,— знак авторитета Штеффи и показатель уважения, которое испытывает к ней даже ее конкурентки? Штеффи, правда, до сих пор не ответила ни на одно письмо.

Главная опора Штеффи в жизни — это по-прежнему ее папа, с которым она связана нежными дочерними чувствами. Он, подобно другим родителям, вывозил ее на турниры, когда ей было двенадцать и пятнадцать. Потом, когда она вошла в элиту мирового тенниса, он хотел отойти в тень. Подобную попытку он сделал в последний раз в прошлом году, когда не поехал с ней на некоторые турниры, но дела у Штеффи тут же стали идти не так хорошо, как прежде. Ей надо, чтобы он сидел на трибуне, поддерживая ее своим присутствием. «Штеффи хочет, чтобы я все время был рядом». В этом нет никаких сомнений: после каждой большой победы она прямо с корта непременно бежит к нему, и именно его целует от души, прямо в губы. «Штеффи знает,— говорит гордый отец,— что я знаю, что хорошо для нее». И она добровольно принимает его власть над собой, как будто ей по-прежнему двенадцать и она не королева тенниса, а девочка, приходящая домой всегда не позже восьми. Этому много примеров. Вот один. Когда в 1987 году в Ванкувере на кубке федерации у сборной ФРГ выдался свободный от игр день и команда решила вечером собраться всем вместе и потанцевать немного, Петер Граф нашел эту затею неподходящей для своей дочери: «Ты же устала, Штеффи, ты же хочешь спать, а?» И Штеффи пошла спать. А во время праздника, организованного по случаю победы в саду миллионера Мика Редфорда, когда кое-кто из теннисисток, подражая шефу команды Клаусу Хофзесу, отправился купаться прямо в одежде, папа Граф послал на пляж свою Штеффи в закрытом купальнике. Эти отношения Штеффи и ее отца уже подвергались насмешкам и становились предметом карикатур в дешевых листках. Но она не обращает на это внимания, разве что скажет: «Кто нападает на него, нападает на меня».

Именно в семейной замкнутости, которую Штеффи и ее родители так берегут от всех видов человеческого любопытства,— объяснение необыкновенной психологической устойчивости Граф. В отличие от Бориса Беккера, живущего в Монте-Карло и предпочитающего светский образ жизни, она охотно уходит в тень во всем, что касается ее привычек, отдыха и т. д. Она отдыхает дома, где ее ждут любимые собаки Макс и Бен. Тут она может расслабиться и передохнуть. Тут

она может заниматься, чем душе угодно: готовить, печь пироги, жарить мясо на сковородке. Она играет в карты и достигла успехов в скате. Но ее любимая игра — это та, в которой принимают участие вместе с ней папа, мама и брат Михаэль. И именно долгим отсутствием дома она объясняет два поражения от Сабатини весной 1988 года. Она одиннадцать недель подряд не была тогда дома и очень устала от Америки. «Больше я так делать не буду»,— сказала она.

Она со страстью ходит на поп-концерты. Если чувствует, что на нее там не смотрят, то бывает там из самых активных, самых диких. Она тогда как бы возвращается в свой возраст, становится тинэйджером, «потому что я чувствую себя именно на столько, сколько мне и есть». После крупного успеха в Париже Петер Граф, например, заранее знал, куда направится его дочь: немедленно домой, в Манхейм, в дискотеку «Тиффани». «Она будет танцевать, и она будет сходить с ума»,— сказал он. Но молодые люди? В большом спорте, где планированию подвергается все, как быть с чувствами, которые трудно запланировать? Насколько опасна для Штеффи будущая любовь, которая может лишить ее всегдашнего спокойного самочувствия на корте? Папа и тут знает ответ. Он уже видит будущего избранника Штеффи перед глазами: темноволосый спортивный парень, «хорошо понимающий требования, которые ставит жизнь перед теннисисткой экстракласса». Но пока что лишь один человек удовлетворяет этим высоким требованиям: это сам Петер Граф.

И вот что еще. Штеффи очень нравится капризный, недисциплинированный, играющий по настроению импровизатор Джон Макинрой. Потому, наверное, что каждый из нас втайне хочет быть тем, кем он не является. Штеффи — не исключение. Она не любит смотреть на себя по телевизору, не любит рассматривать фотографии с собственным изображением. Она не склонна к самолюбованию, и она не считает себя венцом творения — ни в том, что касается характера, ни в том, что касается внешности. И даже на корте. Ее сегодняшний стиль, судя по всему, не более чем сегодняшний стиль. Какие-то новые ростки появляются в ней. Совсем недавно она отдала три гейма противнице, стоящей много ниже ее в табели о рангах. Она похлопала, когда другая отличным ударом выиграла очко — так аплодирует противнику и Навратилова. И еще — что уж совсем удивительно для серьезной и скромной Штеффи, умеющей держать себя в руках,— она закричала «Дерьмо!», попав мячом в сетку на центральном корте Уимблдона...

«Публика,— с удивлением сказала Штеффи Граф после финальной игры с Навратиловой,— в этот раз была на моей стороне». Любовь со второго взгляда?

Перевела с немецкого И. Козлова

Маски



Он приехал в Прагу из Будапешта в середине декабря 1928 года. Печать тех венгерских кругов, которые мечтали о пересмотре Трианонского договора, разнесла слух о том, что Шаляпин выступил за возрождение Великой Венгрии[1]. Я пришел к нему как представитель чешской прессы и поэтому не мог первым делом не спросить о том, что же именно он сказал в Будапеште.

Мы сидели в его номере в гостинице «У саксонского двора» на Гибернской улице. Ее обычно называли «de Saxe». Приезжая в Прагу, Шаляпин всегда останавливался в этом доме, в этих старомодных комнатах. Он величаво возвышался в углу обитой шелком кушетки, живописно откинувшись могучими плечами на ее спинку и скрестив длинные ноги. Такой большой и широкоплечий человек, одевший на лицо маску светской изысканности. Передо мной на кушетке сидел не «Бурлак на Волге», не Иван Сусанин и не друг Максима Горького. Сейчас он играл роль вельможи, который странствует по свету, отвернувшись от родины, где творятся непостижимые вещи. «Посмотрим, что у них получится,— говорила маска вельможи.— Я езжу по свету без их полномочий, а под своим собственным именем, которое достаточно звучно и знаменито, чтобы распахнуть для меня любые двери. Люблю Францию,— продолжала светская маска,— женщин и вино. Еще люблю свою дочку. Но самая большая моя любовь — это все же опера. Театры и концертные залы есть повсюду, не только в Москве!» — так говорила маска. Но глаза под ней, серые и искушенные, оставались грустными. Они грустили по той стране, где творились непостижимые вещи.

Из книги «Голоса с Востока».

«Нет ничего более далекого от меня, чем политика,— продолжал Шаляпин.— Я был крайне удивлен, когда услышал, что мое выступление в Будапеште — политическое. Мне давно знакома венгерская музыка, она оказала большое воздействие на русскую. Вы ведь слышали наши цыганские романсы?» Я утвердительно кивнул головой. «Блудный князь» возвысил голос, и запел тот знаменитый шаляпинский «орган», обладавший широчайшим диапазоном звучаний.

«В Будапеште мне довелось побывать на историческом концерте венгерской музыки XIII—XIV веков... После концерта вышел маэстро-скрипач и держал речь. Я, хотя и не знаю венгерского, взялся переводить. Скрипач закончил свое выступление молитвой: «Верую в бога, в расцвет венгерского народа и его души. Аминь». Я перевел его слова художественно: музыкант любит искусство своей родины и молится богу, чтобы тот хранил музыкальную душу его народа... И это все. Ни слова о Трианонском договоре, ни слова о политике! Я повторяю вам: я никогда не касался и не буду касаться политики. Мои боги совсем с других небес...»

[1] *В соответствии с подписанным 4 июня 1920 года в Большом Трианонском дворце (Версаль) договором между Венгрией и победившими в первой мировой войне союзниками Венгрия отказывалась от всех прав на территории бывшей Австро-Венгерской монархии.— Прим. ред.*

Из-под маски раздался глубокий вздох. Я не стал говорить Мастеру, что он всегда делал политику именно тем, что стоял вне ее. А Шаляпин уже натянул маску веселого собеседника, раскатисто засмеялся и заговорил речитативом: «Расскажу-ка вам о сходном случае. Сижу я как-то утром в Чикаго за чашкой чая и вдруг читаю в газете: «Вчера во время генеральной репетиции Шаляпин был так груб со своими коллегами, что дело дошло до драки, во время которой ему разбили нос». Я удивился: мой нос был в полном порядке, а американские коллеги и на сцене, и за сценой вчера были наимилейшими партнерами! Откуда же эта сплетня в газете? Все объяснилось очень просто. Репортер попал на сцену как раз в тот момент, когда я поучал американского партнера, исполнявшего партию Шуйского, как он должен обмякнуть у меня под рукой — я играл Бориса Годунова! Ну и при этом я американца немного придушил, конечно же, театрально...» Мастер снова рассмеялся. Потом сказал: «Поговорим о Праге...»

Но говорил он не о Праге, а скорее о себе. О том, что хотел бы хоть раз в Праге спеть одну из своих оперных партий на стадионе, под открытым небом, для пяти-шести тысяч слушателей, что приедет снова в 1930 году во время прощального, кругосветного турне. Это будет его юбилейный год: сорок лет на сцене!

«Из Праги поеду домой,— заметил он ностальгически. Но тут же поспешил объяснить, где его дом.— Еду в Париж! В Париже живет моя дочка Тася. Ей семь лет! Я должен быть с ней на рождество. Она часто ездит со мной. Как-то раз мы были с ней в Австралии. Сидим в спальном вагоне. За окном мелькают диковинные долины и дремучие леса. Я начал рассказывать ей сказку о гномах. Эта сказка продолжается уже два года, я до сих пор не могу ее досказать до конца. Продолжу в рождественскую ночь в Париже. Состарюсь — буду рассказывать Тасе сказку своей жизни».

Когда мы расставались, «великий князь» смотрел на меня скорбными, полными боли глазами «Бурлака на Волге».

Шаляпин так и не спел в Праге для пяти-шести тысяч зрителей на стадионе, под открытым небом.

Не был он в Праге и в свой юбилейный год.

Мы встретились снова уже в 1934 году, в конце мая, в том же сером номере гостиницы «de Saxe». Шаляпин выглядел постаревшим, поседевшим, изрядно уставшим. Меня так и подмывало спросить его, в какой пятилетке он намерен вернуться в Россию, где его любят несомненно больше, чем в Париже, и которой он под стать и своими масштабами, и загадкой своей жизни. Но я решил не касаться этой болезненной темы.

«Князь» не был уже так величав. Видно было, что он много думал все эти годы. О себе и об искусстве.

«Мне кажется, что оперный певец должен стремиться к синтезу пения, музыки, поэзии, живописи, скульптуры и даже архитектуры в одном колоссальном художественном творении. Вы скажете — Вагнер! Да, так. Но меня на эту мысль навел мой учитель Усатов.

Существует две возможности выполнить предназначение оперного певца. Можно подойти к своей роли чисто технически и исполнять арии, ласкающие слух. Итальянская школа достигла в этом величайшей виртуозности.

Есть и другой путь. Оперный певец должен быть творцом! Он должен добраться до сокровеннейших глубин своей роли, понять драму, происходящую в душе героя, а не просто петь арию ради ее музыкальных красот!

Так рождались мои образы. Для меня недостаточно было понять маску Мефистофеля. В первую очередь, конечно, я изучал внешний облик героя — лицо, жесты, костюм. Но одновременно старался проникнуть в глубь образа. Поэтому я обращался не только к Мефистофелю Гуно, но и к величайшему Мефистофелю всех времен — к дьяволу Гёте, к «Фаусту» Ленау, к образу черта у Пушкина и у Гоголя, в русской сказке. Так родился на свет мой Мефистофель — синтетический дьявол». На лице Шаляпина появилась маска Мефистофеля, поучающего своего ученика. Но уже через миг ее сменила маска надменного актера.

«Для того чтобы создать такой собирательный образ, певец должен научиться свободно управлять своим голосом, научиться пением говорить, а речью — петь. Были такие, что называли меня плохим певцом из-за того, что я не пою, а скорее говорю пением. Но я делал и буду делать посвоему. И уже многих убедил в своей правоте».

Новая маска была меланхолической. Он погрустнел. Голос его зашелестел, как опавшая листва.

«Я пою уже сорок четыре года. Часто думаю о том, почему никто не перенял и не развил далее мой стиль. Неужели он до такой степени индивидуален?

Я только что приехал из Каунаса. Повстречал там своего приятеля, великого певца Петраускаса, некогда бывшего русским певцом Пиотровским. Я видел Фауста в его исполнении. Он стоял рядом с Маргаритой. Та пела замечательную арию, в которой отвергала его домогания: мол, ей надо домой, ее ждет мать, и она не может остаться... Фауст Пиотровского на нее лишь смотрел. Смотрел и молчал. Потом взял ее за подбородок и сказал, сказал, а не спел: «Так завтра...» У меня мурашки побежали по коже — так он сыграл это место. Вот этого я всегда хотел! Об этом мечтал! Увидеть певца, который — так же, как и я,— и молча поет!..»

Во время нашей беседы в гостинице «de Saxe» Шаляпин непрерывно играл: меланхоличного старца, который на склоне лет мечтает о преемнике, Фауста, соблазняющего чистое, застенчивое создание, циничного дьявола, вельможу, светского человека — и снова Фауста, который лишь смотрит и молчит, а потом произносит: «Так завтра...»

Я никогда не видел Шаляпина на сцене, не слушал его на концертах. Его пение мне знакомо исключительно по записям на пластинках...

Но эта игра без грима, эта перемена множества масок, это умение говоря петь, свидетелем чего я стал в номере гостиницы «de Saxe», убедили меня в одном: настоящего Шаляпина уже никто не сумеет повторить.

Шаляпина

Франтишек КУБКА,
чехословацкий писатель



Перевела с чешского
Л. СКВОРЦОВА

Моя задача была несложной: проникнуть в механизм «металлической» группы и посмотреть, как он работает. А поскольку речь шла о «классиках металла», «Айрон мэйден», я предпочел иметь дело с «главным механиком» группы — вокалистом Брюсом Диккинсоном.

Брюс пришел в «Айрон мэйден» уже после того, как они выпустили два альбома. До этого он несколько лет входил в состав «Самсон», английской группы, совершенно неизвестной на родине и умеренно популярной в США. А еще раньше Диккинсон пел в самых разных диско-группах, но об этом он не любит вспоминать.

— Скажи, Брюс, а как ты вообще попал в музыку?

— Я учился в консерватории, собирался стать профессиональным музыкантом, а если учесть, что на роке были зациклены все, ничего удивительного в моем нынешнем положении нет.

Однажды, когда я еще был школьником, друзья затащили меня на концерт группы «Уайлд терки» — как я сейчас понимаю, группа была не из лучших, но меня поразила динамика их музыки, невероятный напор и энергия композиций, то есть элементы того, что сейчас называют хэви метал-роком.

Но поклонником хард-рока я стал не сразу, поначалу меня привлекали такие группы, как «Генератор ван дер Граафа», «Магма», «Джетро Талл», короче, блюзовый авангард. По-настоящему я оценил хард-рок только после дебюта «Блэк сэббет», тогда же появилось множество групп, играющих так называемый «тяжелый арт-рок»... На самом деле тяжесть — ощущение субъективное, скорее эту музыку можно было бы назвать «мрачной», в духе Вагнера. Для меня, например, нет большой разницы между Брукнером [1] и, скажем, «Блэк сэббет». Что же касается рок-музыки, то как слушателя меня в равной степени привлекали — и продолжают привлекать — «Дип перпл» и «Джетро Талл», «Лед зеппелин» и «Пинк Флойд»... Они играют в разных стилях, но уровень профессионализма у них одинаковый — очень высокий, в этом рок ничем не отличается от классики. В то время среди подлинных мастеров начали появляться и дельцы типа «Бей-Сити роллерз» и «Смоуки», кому-то они нравились, но лично на меня нагоняли скуку: они гнались за коммерческим успехом слишком откровенно.

Сейчас я сделаю признание, которое навлечет на меня гнев прессы и ярость поклонников: на мой взгляд, Дэвид Боуи и «Ти Рекс» не более чем клоуны от рока, причем — не те коверные, которые своим мастерством открывают людям глаза, я знаю только одного такого клоуна, это Оззи Осборн. А Боуи и «Ти Рекс» просто шуты-эгоисты, их волнуют только собственные великолепные персоны.

— Это, так сказать, предыстория, но как произошло «грехопадение», и от «Джетро Талл» ты качнулся к хэви-метал?

— Слушай, а существует ли «металл» вообще? Был блюз, блюз и остался, только он изменился. Для меня блюз это не стиль или жанр, это музыка, и ради этой музыки я пришел в рок. Законодателями моды в тяжелом блюзе были «Лед зеппелин». Это великая группа, но их манера меня не вдохновляла, так же, как и Джими Хендрикс — они слишком импульсивные, неуправляемые, и эмоциональность, по-моему, подавляла собственно музыку. Я вовсе не против импровизации, но она не должна заглушать мелодику, становиться самоцелью, а у «Лед зеппелин» и Хендрикса очень часто было именно так. Образцом рок-группы для меня были и остаются «Дип перпл», я не знаю других исполнителей, которые играли бы так свободно, непринужденно и в то же время мощно.

...Вообще-то я хотел стать барабанщиком, а не певцом. Запел я только потому, что просто не мог набрать денег на ударную установку.

Потом начал думать о группе... (здесь Брюс надолго замолчал и как-то очень ловко обошел свой диско-период и заодно «Самсон»). Я решил, что группа должна сочетать в себе мощь и профессионализм «Дип перпл», глубокие, философские тексты, как у «Генератора ван дер Граафа», и энергию панк-рока. Требования довольно высокие для студента консерватории, но уж если мечтать о славе, так это должна быть слава Ричи Блэкмора или Иэна Андерсона, не меньше!

— Итак, «Айрон мэйден» шли от блюза, точнее — от белого блюза. А что ты думаешь о черной музыке?

— Она мне нравится — в конце концов блюз придумали черные, и они знают толк в этой музыке. Но я не люблю, когда их делом начинают заниматься белые, получается очень фальшиво, неискренне. Хотя некоторые стилизации группы «Аэросмит» слушаются неплохо.

— А рэп?

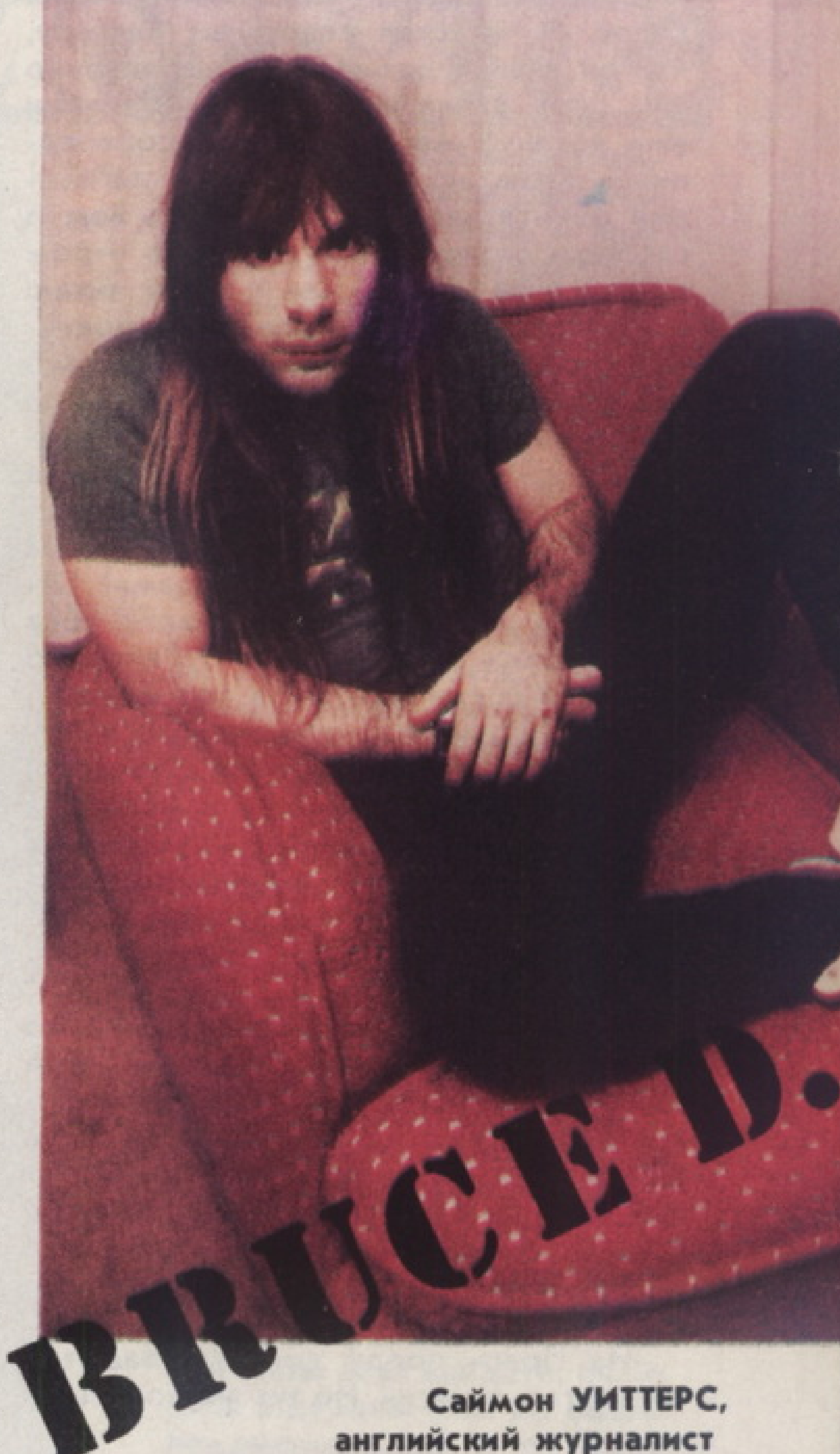
— А что — рэп?

— Сейчас рэп соединяют с «металлом», например, «Бисти бойз»...

— То же, что я говорил о негритянском блюзе, относится и к рэггей, и к рэпу: лучше родоначальников этих стилей никто с такой задачей не справится.

— Однако «АС/ДС» и «Зед зед топ» вводят в свои композиции элементы фанка, и хэви-метал одних, и хард-рок других от этого только выигрывают, разве нет?

— Мы, во всяком случае, этим не занимаемся. Могли бы, но это слишком просто — я не хочу сказать, что мы создаем себе дополнительные трудности,



Саймон УИТТЕРС,
английский журналист

но, на мой взгляд, блюз еще отнюдь не исчерпан, чтобы «переливать ему кровь» других стилей.

— Кто-то сказал, что хард-рок хорошо слушается только тогда, когда он исполняется очень жестко, резко. Это так?

— Вовсе нет. Законы жанра, конечно же, диктуют и аккордную насыщенность, и навязчивые сольные партии, но это не означает, что гром и молнии прячутся во всех бороздках пластинок хард-роковых групп. Это всего лишь фрагменты композиции.

— Значит, «Айрон мэйден» сочетают изысканность текстов, ну, скажем, «Джетро Талл» или «Генезис» с техническим мастерством «Дип перпл» и энергией панк-рока?

— Хотелось бы верить, что мы этого достигли. Я вижу «Айрон мэйден» как потенциально самую совершенную группу в мире, своего рода группу-конгломерат, которая за полминуты может раскрыть любую музыкальную идею. На одном из недавних концертов мы исполнили новую вещь, «Черный блюз», в которой использовали 12 аккордов, как в классическом блюзе. Просто шутка, которая доставила удовольствие и слушателям, и нам. Мы не включили ее в новый альбом, но доказали всем, прежде всего самим себе, что можем быть неплохими импровизаторами. Не каждая «металлическая» группа «потянет» 12-аккордный блюз.

[1] *Антон Брукнер (1824—1896), австрийский композитор и органист. Для его музыки характерны возвышенность, серьезность, эпический размах, при этом ей свойственны большая теплота и искренность. В его произведениях часто используются фольклорные интонации.— Прим. ред.*

— «Айрон мэйден» прошли типичный путь рок-звезд: от полной безвестности к международной популярности, это как-то изменило вас?

— Глупо было бы утверждать обратное. Прежде всего у нас появились деньги, и мы теперь можем позволить себе то, что раньше было недосягаемым. Но испортили ли нас деньги? Думаю, что нет. Просто мы можем дышать свободнее, регламентировать гастроли, записи в студии. Одно дело, когда финансовая необходимость гонит тебя с одного концерта на другой, ты по восемь часов трясешься в автобусе, со всех сторон зажатый аппаратурой, потом как полоумный вылетаешь на сцену, зная, что впереди обратный путь, и так каждый день. Если есть финансовая независимость, все несколько проще, но... Через нужду тоже надо пройти, она вырабатывает характер, приучает к профессионализму, в конце концов, показывает, что ты на самом деле стоишь: либо понимаешь, что занимаешься самым важным делом в жизни, либо бросай все и сдавайся обстоятельствам. Это единственный способ стать настоящим профессионалом.

Успех и деньги отчасти компенсируют те неприятные ощущения, которые возникают при общении с околомузыкальной публикой; считается, что если ты популярен, значит обязан контактировать с киношниками, прессой, шишками из фирм грамзаписи. Лично мне это не нравится: болтаться без дела и скалиться в камеры, изображая звезду.

Знаешь, почему музыканты предпочитают записываться на Багамах или в других «экзотических» местах? Чтобы хоть немного отдохнуть: за год у нас набирается до десяти месяцев гастролей, а это значит, что двадцать часов в сутки ты на ногах и ничего, кроме прожекторов из зала, вокруг не видишь. При такой нагрузке отдых необходим, а дома... Разве с телефоном под боком можно выспаться?

— Последнее время «Айрон мэйден» не очень-то жаловали Америку своими концертами, почему?

— Все уже привыкли, что группа должна стремиться в Штаты, но зачем? Я не очень-то люблю американскую публику, обязательно подавай им песни про рок-н-ролл! Ну сколько можно, вокруг и так один рок-н-ролл, а им все мало! Я согласен играть рок-н-ролл, но еще и петь о нем — увольте! Из рок-н-ролла уже сделали что-то вроде лицензии на идиотизм: если ты имеешь дело с рок-н-роллом, значит, можешь быть кретином. Недоумков и так хватает, музыка здесь ни при чем.

— Но ты же сам в рок-группе, и твой образ жизни у многих ассоциируется с рок-н-роллом...

— Это не одно и то же — каждый имеет право выбрать свой путь, свое призвание, но слушатель — это не профессия. Даже я на сцене и в жизни — два разных человека. Я артист. Если исполнитель начнет отождествлять себя со сценическим образом, он превратится в ходячее клише жанра, станет всеобщим посмешищем. Таких примеров предостаточно: я знаю музыкантов, которые искренне убеждены, что деньги для них делают менеджеры, есть экземпляры, которые не знают, как покупать почтовые марки, поджарить элементарную яичницу. Я их не обвиняю, они слишком долго не вылезали из гастролей, слишком сжились со своими имиджами. Но возникает вопрос: о чем могут поведать такие исполнители? Что они расскажут слушателям? Как живет звезда? Абсурд!

— Обозреватели, имеющие дело с музыкантами и группами хэви-метал-рока, в один голос говорят об идеальной организации этих групп и о строжайшей дисциплине.

— Это действительно так, иначе невозможно выдержать гастрольные поездки — у многих групп они длятся по 9—12 месяцев. Обидно, что для рассказа о «металлических» группах пресса избрала язык насмешек, лучше бы вы молчали: если не помогаете, то хотя бы не мешайте!

— Да, но ты сам напрашиваешься на такое отношение: твой сценический образ — «плохой парень».

— Но я всего лишь комедиант! Вот почему я люблю нашу публику — английскую. Она воспринимает не только внешнюю сторону, но тонко чувствует и все психологические нюансы композиции. Наши концерты прежде всего высвобождают фантазию слушателей. Этим рок-концерты схожи с футбольными матчами, когда зритель, отождествляя себя с игроком, как бы сам начинает владеть мячом, делает обманные финты и в конце концов забивает гол. Или не забивает. Мы хотим, чтобы ни один наш поклонник не ушел из зала без «гола». Но мы отчетливо представляем, что существует различие между фантазией реальной и, так сказать, «ритуальной»: фантазия, работающая на современную жизнь, помогает лучше понять ее, фантазия «ритуальная», бессмысленная не ведет ни к чему. А может даже привести и к дурному, плохому. Поэтому мы никогда не отрываемся от действительности.

— А почему же тогда в ваших текстах так много «сказочного», столько аналогий с древними мифами?

— Да все очень просто. Ну вот, к примеру, бич нашего времени — наркотики. Если я выйду на сцену и прокричу проповедь, что наркотики — вселенское зло, люди подумают: либо парень свихнулся и считает себя господом богом, либо он просто дурак. В любом случае, мое заявление не будет звучать убедительно. Но вот если то же самое сказать в аллегорической и — надеюсь! — поэтической форме, мне поверят. Послание образное, может, даже чуть «туманное», скорее заденет чувства слушателей, чем сознание, но, может, доберется и до сознания. Что в этом-то плохого?

— Но, говорят, тексты некоторых спид- и трэш-«металлических» групп призывают к насилию?

— Такая проблема может возникнуть, подчеркиваю — может, пока ее нет. Но это прежде всего проблема публики: если толпа жаждет крови, она может пролить ее даже на симфоническом концерте. А спид- и трэш-группы... Я встречался со многими музыкантами, играющими в этих стилях: они самые обыкновенные люди, никакие не садисты, не убийцы. Между прочим, во многом виноваты вы, журналисты: не разобравшись как следует в жанре — а пора бы, «металлу» уже почти десять лет,— вы сразу же обвинили его во всех смертных грехах. Почему в «новой волне» вы видите даже то, чего и в помине нет: тонкая ирония, изящный юмор? А здесь не в состоянии отличить пародию от призыва?! Может быть, вам, как и некоторым из нас, тоже не хватает чувства меры? Подумайте...

Перевел с английского
С. КАСТАЛЬСКИЙ

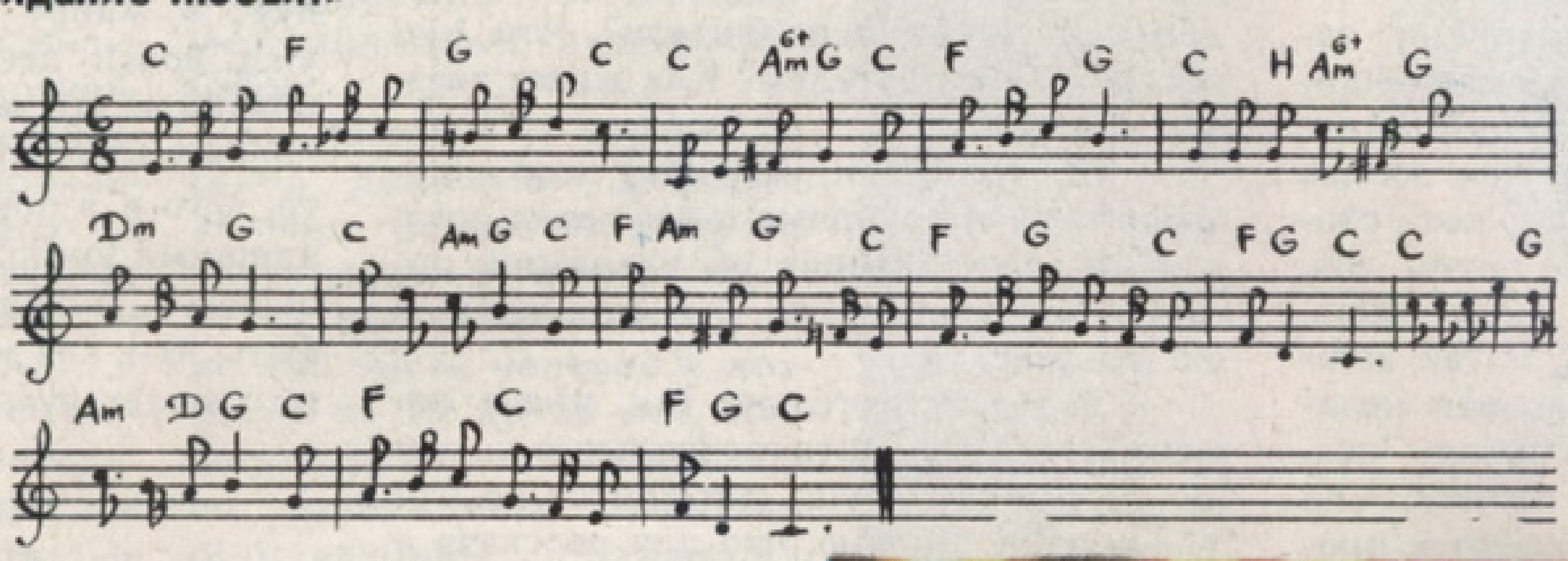
ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Последняя пластинка группы «Айрон мэйден» называется «Седьмой сын седьмого сына» — это не библейская притча, не фрагмент теологического исследования, скорее попытка на бытовом уровне взглянуть на надежды и чаяния наших современников. Из древних веков пришло к нам число «семь», оно всегда было как бы границей, последней чертой, за которой предстояло сделать решающий выбор: предлагалось «семь раз отмерять», прежде чем отважиться на Поступок, проклятья налагались до седьмого колена, и «Айрон мэйден» считают, что сегодняшнее поколение — именно то, которому суждено снять проклятие с рода человеческого. Смело и самонадеянно? Но почему же, вторая половина 80-х свидетельствует в пользу здравого смысла.

Да, тексты песен «Айрон мэйден» тяготеют к аллегоричности, об этом говорит и сам Диккинсон, но в данном случае она не способ «сказать хоть что-то, когда говорить нечего». В центральной композиции альбома, «Могу ли я забавляться с безумием?», речь идет о самой страшной форме сумасшествия, об отношении к ядерному оружию как к панацее от возможного зла. «Лунное дитя» — песня, в которой «непротивлению злу насилием» противопоставляется активная борьба со злом; а строки «Зло, которое творят люди, живет в веках, и глупо было бы рассчитывать, что оно исчезнет само собой» из песни «Зло, которое творят люди» можно было бы вынести эпиграфом к пластинке.

Дискография «Айрон мэйден»: The Soundhouse Tapes, **1979 (EP);** Music for Muthas, **1980 (сборник «тяжелых» групп; «А. м.» — 2 песни);** Iron Maiden, **1980;** Axe Attack, **1980 (сборник «тяжелых» групп; «А. м.» — 1 песня);** Killers, **1981;** Maiden Japan, **1981 (EP);** The Number of the Beast, **1982;** Piece of Mind, **1983;** Powerslave, **1984;** Live After Death, **1985 (концертный);** Somewhere in Time, **1986;** Interview Disc, **1987 (интервью с музыкантами «А. м.»);** Seventh Son of a Seventh Son, **1988.**

Вы неоднократно просили нас рассказать о творчестве замечательного вокалиста и композитора Дэвида Ковердейла. Конечно, при первой же возможности мы постараемся это сделать — ведь звезда Ковердейла взошла еще в 1973 году, когда он заменил Иэна Гиллана в «Дип перпл», успешной была и его карьера в созданной им группе «Уайтснейк». Однако все это оставим для подробного материала, а здесь мы представляем вам песню из альбома 1987 года, который так и называется — «Уайтснейк». Мы редко публиковали на наших страницах любовную лирику рок-музыкантов и сейчас с удовольствием предлагаем песню «Неужели это любовь!»: «Неужели это любовь! Бессонные ночи, дни, не имеющие смысла, тревога и беспокойство — неужели это любовь! Я жду твоего звонка, только твой голос может вернуть мне уверенность в себе — так любовь ли это или лишь ожидание любви!»



I should have known better
Than to let you go alone
It's times like these
I can't make it on my own
Wasted days and
sleepless nights
An' I can't wait
to see you again

I find I spend my time
Waiting on your call
How can I tell you, babe
My back's against the wall
I need you by my side
So tell me it's alright
'cos I don't think
I can take nomore
Is this love that I'm feeling
Is this the love
that I've been searching for
Is this love or am I dreaming
This must be love
'cos it really got a hold on me

I can't stop
the feeling
I've been this way before
But with you I've found the key
To open any door
I can feel my love for you
Growing stronger day by day
An' I can't wait
To see you again
So I can hold you in my arms



В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Впечатления об ответном визите нашей молодежи в Бельгию.
Молодость и старость — конфронтация или сотрудничество!
Вопросы и ответы перед XIII Всемирным фестивалем. Беседа с представителем ВФДМ.
Очерк о трагедии канадского бегуна Бена Джонсона.
В рубрике «Личная жизнь от 16 и старше» — чехословацкие ровесники о любви.

ИНДЕКС 70781
ЦЕНА 35 КОП.